

A man in a grey hoodie is shown from the chest up, looking intensely at the camera. He has a serious expression and is holding the edge of the hoodie with his right hand. He has extensive tattoos on his chest and arms. In the center of his chest, there is a circular logo containing a white 'X' with two crossed blades. Below the 'X' is the number '2'. A horizontal line with arrowheads at both ends passes through the logo and the text 'КРИМИНАЛЬНЫЕ КОРОЛИ НЬЮ-ЙОРКА'.

КРИМИНАЛЬНЫЕ КОРОЛИ НЬЮ-ЙОРКА

2

Грех и Майнбы!

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/KN_BOOKS) *

СКАЙЛА МАДИ

В подполье может случиться все, что угодно, и наше будущее переменчиво, но есть кое-что, что я знаю наверняка...

Эмили пробралась мне под кожу...

...а я позволил ей.

Я сплю, а вокруг меня разворачивается хаос, но все, что я могу — это наблюдать, как анархия набирает обороты. Я беспечно ищу утешения у незнакомки, и каким-то образом Эмили удается переплести наши судьбы. Мне следует думать о том, как спасти брата, но в данную минуту я способен думать только об Эмили.

Я должен вытащить ее отсюда.

Должен защитить ее...

Любой ценой.

ГРЕХ И ТАЙНЫ

Автор: Скайла Мади

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Криминальные короли Нью-Йорка #2 (про одних героев)

Номер в серии: 2

Главы: 13 глав

Переводчик: Nikki Fenty

Сверщик: Екатерина Н.

Редактор: Натали И.

Вычитка и оформление: Ольга З., Таня П.

Обложка: Таня П.

Глава 1

Котенок

Джай

Какое жалкое зрелище.

Я скрещиваю на груди руки и прислоняюсь к потертому бетонному столбу. Его разрушенные края впиваются в тело, причиняя неудобство, но меня это не волнует. Чем больше неудобства, тем меньше вероятность того, что я засну.

Клетка дребезжит и скрипит под весом двух бойцов, танцующих друг против друга. Они оба боятся поражения. Каждым своим движением они забивают очередной гвоздь в крышки своих собственных гробов. Череп не захочет кого-либо из них оставить в живых.

Я обращаю внимание на подвижную платформу над клеткой. Даже несмотря на чернила, покрывающие каждый сантиметр его лица, я четко и ясно вижу на нем разочарование. Стоять здесь, наблюдая за боем — пустая трата времени. Не имеет значения, кто победит, потому что, как я уже сказал, они оба — покойники, доживающие свои последние деньки.

Поединкам весьма свойственно происходить в таком навевающем скуку темпе. Я имею в виду, что, конечно, видел и более медленные бои, но здесь такой темп — это просто самоубийство. Видите ли, Череп не захочет такого среднестатистического, заурядного бойца. Он хочет кого-то более безжалостного, более непредсказуемого. Чтобы присоединиться к его команде, ты должен быть беспощадным, ловким и готовым без колебания начистить рожу своему противнику. Конечно, легче сказать, чем сделать. Каждый боец имеет изъян, и у мужчин, окруженных сейчас ржавой клеткой — это страх. Ими управляет страх перед болью. Это можно видеть на их лицах. Они позволяют своим мыслям управлять собой. Позволяют своим эмоциям сдерживать себя. Фокус вот в чем: чтобы уничтожить кого-то, нужно быть бесчувственным. Я давным-давно научился этому. Ты должен обезличить их — смотреть на них, как на кусок мяса без рода, без племени. Каждый удар, который ты наносишь, должен быть жестким, быстрым, неумолимым и с намерением убить. Когда тебе нравится убивать, нет никакого страха.

Только цель.

Я резко перевожу свой взгляд от крысиной клетки к правому углу комнаты, и немедленно нахожу ее.

Котенок.

Болезненные муки вины скручивают мой живот. *Чертов Котенок...* Я спас ее попочку и гарантировал место здесь. Тем не менее, она ведет себя так, будто я разрушил ее жизнь. Эмили смотрит на меня так, словно я плохой человек, в то время как я всего лишь был добр к ней. Да, ради того, чтобы она победила, я ввел наркотики ее сопернице. *Великое дело.* Она не чувствовала бы себя настолько убежденной в своей правоте, если бы знала, от кого я защитил ее. Ее противником была Маришка «Убийца» Димитрикова. Я видел ее несколько раз возле разных подпольных клубов. Если по имени не очевидно, то эта девка опасна — была опасна. Однажды я был свидетелем того, как Маришка одержала верх над взрослым

мужиком, подмяв его под себя. Хоть Эмили и более жесткая, чем кажется, тем не менее, у маленького, но боевого Котенка не было ни единого шанса.

Невольно мой взгляд приклеивается к легкому блеску каплею пота на ее шее. Прожектор, рядом с которым она стоит, освещает ее вздымающиеся груди и капельку пота, стекающую в ложбинку между ними. Наблюдая за ней, я практически чувствую ее теплое дыхание на своей коже. Она самая неповторимая маленькая штучка... Незабываемо красива, но в то же время чертовски противоречива. На первый взгляд она почти наивна, но озорной блеск в ее глазах говорит, что она не та девчонка, которой можно манипулировать.

Она высовывает кончик языка, чтобы увлажнить сухие губы, и все мышцы в моем теле напрягаются. Подумать только, вокруг меня столько всего происходит, но только из-за нее мое сердце стучит быстрее, чем двигаются поршни у паровоза. Такое ощущение, будто оно вот-вот вырвется из груди и умчится галопом.

Чувство вины потоком проходит через все мои внутренности, вызывая похоть, и я сглатываю, в попытке смочить свое пересохшее горло. Тот же самый приступ похоти, благодаря которому я попал в этот замес — тот же самый, что трахнет все мои планы и погубит меня и невинного Котенка. Как будто это сама по себе недостаточно опасная смесь, состоящая из похоти и сильного чувства вины, которого я не испытывал долгое время — эмоции, которыми я плохо управляю.

Ревность.

Она пробивает себе путь через мои кости, убеждаясь, что они это чувствуют, и приводит меня в бешенство. Только мысль о том, что из-за мужчин, бьющихся сейчас в клетке перед ней, ее живот напрягается, руки и ноги дрожат, а сердце бешено колотится, создает сумасшедшее дерьмо у меня в мозгах и дробит ревностью мои кости.

И меня.

Черт возьми.

Ненавижу это.

Ревность курсирует по моему нутру. Не потому, что я встретил глупую девчонку, в темноте последовавшую за мной из безопасного поезда, а из-за чувства собственности, возникающего во мне по отношению к ней. Я находился рядом с ней. На ней. В ней. Я спас ей жизнь, защищал, присматривал за ней, и теперь не собираюсь уходить. Не тогда, когда она нуждается во мне больше всего, независимо от того, что по этому поводу думает она сама.

Тяжелый удар приводит толпу в неистовство, но я не спускаю глаз с Котенка. Она вздрагивает и смахивает прилипшую ко лбу темную прядь волос. Затем ее красивые большие глаза округляются, и она начинает осматривать толпу. Я пытаюсь не ухмыляться, поскольку ее испуганный пристальный взгляд ищет меня. Это всегда происходит. Она может игнорировать меня, но, тем не менее, все еще нуждается во мне. Я охраняю ее, и она знает это. Когда наши взгляды встречаются, ее тело заметно расслабляется, но лицо суровеет.

Я не отвожу взгляда и чувствую, как по позвоночнику словно проходит электрический ток. Нынешний бой — последний в первом раунде, и для нас обоих это означает, что быстро приближается раунд второй. За последние восемь дней я дал ей пространство, о котором она просила, не вовлекая ее в какие-либо разговоры, и, тем не менее, она по-прежнему смотрит на меня с такой же неприязнью, с какой смотрела накануне. Я не могу этого больше выносить. Я дам ей еще один день, чтобы она пережила это в одиночку. Если она этого не сделает, то дальше это будет уже моим делом. Я должен вырвать Эмили из ее же

собственного хренового настроения прежде, чем она погибнет. И я вместе с ней. Мне понятно, что она не хочет иметь со мной ничего общего, но я в ответе за нее. Мой долг — вытащить ее отсюда живой.

В конечном счете ее взгляд возвращается к бою, и я следую ее примеру. Рыжий расхаживает по клетке, его руки подняты вверх, он требует похвалу за свою победу. Я не видел нокаута, но, судя по лицу Черепа, это было не слишком впечатляюще. Череп с силой постукивает пальцами по перилам. Я бы сказал, что он ожидал подобный исход боя. Также скажу, что он собирается изменить это. Толпа орет, не обращая внимания на воплощенное разочарование, витающее над их головами. Череп оглядывается через плечо на двух своих головорезов и быстро кивает. Они исчезают через небольшой выход, и Череп возвращает свое внимание обратно к толпе. Его глаза сканируют каждого человека, ликующего по поводу бездарности бойца, и когда его взгляд перемещается в правый угол комнаты, он замирает, а затем его губы изгибаются в злой ухмылке. Мне не нужно следовать за его взглядом, чтобы знать — он смотрит на Эмили. Независимо от того, где она стоит, он всегда находит ее, всегда мучает своими гребаными ухмылками. Что касается Черепа, то он владеет Котенком, и в доказательство этого наколол череп на ее ключице. Небольшой зуд возникает на моей собственной ключице в том самом месте, где Череп велел своим головорезам набить мне татуировку. Череп думает, что я тоже ему принадлежу, но скорее ад замерзнет, чем я позволю этому произойти. Я никогда не горел желанием иметь татуировку, и мысль о том, что мне накололи одну без разрешения, выворачивает наизнанку. Но есть вещи, которые я должен сделать.

Спасти Джоэла.

Спасти Котенка.

Разрушить империю Черепа и закопать его в землю на двухметровой глубине. Улицы не будут безопасны, пока он не исчезнет, и, к сожалению, нет такого судьи в Нью-Йорке, которым бы он не заправлял, и нет никакого суда присяжных, которые бы осудили его. Смерть — единственный исход для такого человека, как Череп.

Череп лениво поднимает длинную, огромную, татуированную руку, и внезапно толпа затихает. Долгое мгновение он упивается тишиной и наклоняется вперед, располагая локти на перилах перед собой. Его поза небрежна, лицо расслаблено. На первый взгляд он производит впечатление вальяжного — даже счастливого — но ему не одурачить меня. В его глазах нет никакого веселья, как и в том, с какой силой он сжимает кулак. Прямо под ним его головорезы входят в наше пространство — пространство, людей которого я теперь называю «простое население» — и знаю, что они здесь точно не для раздачи леденцов на палочке.

Череп хихикает, и я отталкиваюсь от колонны, не позаботившись стряхнуть пыль со своей черной футболки. Мне не нравится чувство ужаса, поселившееся в моем животе. Это действует мне на нервы.

— Ты победил, — объявляет он, безжалостно улыбаясь. — Это означает, что сейчас должны последовать поздравления, правильно?

Победитель ликует и триумфально лыбится, вскидывая свои кулаки в воздух.

Бедный ублюдок.

Адреналин так яростно стучит в его ушах, что он не может услышать злорадства в голосе Черепа. Интонацию, источающую огромное количество кислоты, которая разъедает его победу. Я осматриваю толпу. Они слышат этот тон, поэтому отступают от клетки.

Обходя толпу и медленно пробираясь к Котенку, я не отвожу взгляда от Черепа. Она не будет в состоянии переварить то, что сейчас произойдет. Никогда не сможет.

Клетка гремит и скрипит, пока два головореза открывают дверь. Я возвращаю свое внимание к Эмили, которая пристально за всем этим наблюдает. Горячие и липкие тела скользят рядом со мной, пока я протискиваюсь между зрителями, сокращая расстояние между Эмили и мной. Делаю еще три шага, и ужасный удар не дает мне сделать четвертый. Коллективный вздох звенит в переполненном пространстве, и я поворачиваюсь к клетке.

Хруст.

Удар.

Треск.

Все, что я могу слышать, это звуки ломающихся костей победителя, которые превращаются в пыль под тяжелыми кожаными ботинками. Из-за крови, стекающей по лицу, некогда медно-рыжие волосы бойца теперь кажутся каштановыми и прилипли к его черепу. Синяки уже начинают проявляться, окрашивая его искривленные кости в оттенки фиолетового и синего.

— Неправильно, — орет Череп, отодвигаясь от перил. — Этот бой был жалким. Смерть любому, кто, блядь, наведет на меня скуку.

Он обтирает длинные татуированные пальцы о рукав красной рубашки, прежде чем повернуться и исчезнуть в дыре в бетоне позади него. Пока его люди хватают тела и забрасывают их на плечи, никто не говорит и никто не двигается. Эти двое мужчин, бойцы, будут третьим и четвертым телами, перекинутыми через перила за последние шесть дней, а это означает, что сегодня третья ночь, когда мне придется удерживать дрожащее тело Котенка. Ей снятся кошмары, я помогаю их облегчить, и, тем не менее, она ненавидит меня. В этом нет смысла.

Задумавшись, я не осознаю, насколько близко к ней нахожусь. Достаточно близко, чтобы видеть слезы, которые застилают ее глаза и смачивают ресницы. Я достаточно близко, чтобы видеть, как ее ноздри раздуваются, а грудь вздымается, пока она пытается сдержать рыдания. Никогда не встречал кого-то настолько чуткого... настолько человеческого. Мое окружение заполнено бойцами-убийцами. Мне не нравится, что Череп вытворяет, но это не вызывает во мне каких-либо эмоций. Делает ли это меня плохим человеком?

Я протягиваю руку и неуверенно касаюсь ее.

Действительно ли я плохой человек?

Глава 2

Боль

Эмили

Иисусе!

Я задыхаюсь и вздрагиваю от внезапного прикосновения теплых пальцев, поглаживающих тыльную сторону моей руки. Резко поворачиваю голову, и мой пульс учащается, когда я встречаюсь с ним взглядом.

Джай Стоун.

Его брови нахмурены, губы сжаты в тонкую линию. Беспokoйство и сострадание — то, чего я и ожидала от него. Мне пора перестать удивляться тому, что он оказывается рядом при первом же признаке опасности. Джаю всегда удается найти меня в нужный момент, и мне ненавистно, что причина, по которой он это делает — боль, отражающаяся на моем лице.

Я не слабачка.

Расправляю плечи, чтобы казаться равнодушной, несмотря на охватывающий меня ужас. Ему нужно держаться подальше. Разве он не заметил, как Череп смотрел на меня? Я в его руках, и это не хорошо для Джайа. Учитывая то, что он хочет голову Череп, и я единственная посвященная в эту информацию. Еще один минус — мой очень низкий болевой порог. Если Череп потребует информацию, приставив ко мне нож, я не смогу удержать рот на замке.

Несмотря на нашу ссору, я с трудом сглатываю и разжимаю руку, выставляя ладонь. Двое мужчин погибли, и мне необходимо утешение. Нужна поддержка единственного человека, *способного* это сделать. Кончиками пальцев он прикасается к моей ладони, вызывая теплое покалывание. Я поражаюсь мягкости его прикосновения. Разве это возможно с такими грубыми и мозолистыми руками, как у него? Я видела, на что способны эти руки. Те самые пальцы, предлагающие мне нежный комфорт сейчас, не так давно сжимались в кулаки и были покрыты чьей-то кровью. Интересно, насколько обманчива его внешность? Кто он в глубине души: убийца или мужчина, готовый на все для спасения своего брата? Объективно говоря, есть ли разница? Я не знаю. В моей жизни нет никого, за кого я готова была бы убить.

Мои внутренности сжимаются от напряжения, когда головорезы Череп несут изувеченные тела из клетки к перилам. Я изучаю лица громил, и мое сердце там быстро бьется, что может проделать дыру в груди. Что у них на уме сейчас? Чувствуют ли они вообще какой-либо дискомфорт? Убийство не может быть легким, и мне интересно, задумываются ли они об этом позже. Или внутри они мертвы? Может, поэтому для них все так легко, словно помыть посуду или выкинуть мусор. Не знаю, как им это удается. Я непричастна к произошедшему, но все же чувствую себя виноватой и, в некотором смысле, ответственной за их убийство, как и Череп.

Один из головорезов, лысый и в свободных джинсах, поднимает «победителя» за голову и удерживает его так для всеобщего обозрения. Отвожу взгляд от искореженного тела. Я на грани срыва. Сердце вздрагивает и колотится так, словно миллион крошечных птичек

попали внутрь и их трепещущие крыльшки безостановочно двигаются. Нервное тепло разрастается подмышками и жаркой волной спускается вниз по спине. Я сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться. Мне хочется заплакать, но боюсь показаться слабой — здесь этого делать нельзя. Я хочу быть сильной, как Джай. Возможно, меня волнует больше всего не то, что он сделал, а то, что он сделал это, кажется, совершенно не задумываясь. Он сделал то, что должен был. Без волнения и замешательства. Он отключил свои эмоции и обеспечил себе место во втором раунде. Теперь никто не спасет его, и никто не поможет. Он сделал это все в одиночку. Джай — сильный и храбрый, и мне до смерти не хочется признавать, что я завидую ему. Мне это ненавистно.

Любопытство толкает меня на ошибку: я оглядываюсь на головорезов у края бездонного тоннеля как раз в тот момент, когда второго убитого переваливают через перила. Его безжизненное тело, словно в замедленной съемке, взмывает в воздух и затем, камнем падая вниз, исчезает из поля зрения. Мой живот скручивает в узел, а сердце замирает, напряженно издавая жалостливые удары, эхом отдающиеся в тишине помещения. Тихие слезы льются из моих глаз.

— Все закончилось, — бормочет Джай мне на ухо, и я закрываю глаза.

Он идет позади меня, поглаживая обе мои руки своими грубыми ладонями. Пока толпа рассеивается, я позволяю Джая подольше успокаивать меня. Находясь в ступоре, я не злюсь на него. Вообще ничего не делаю.

Когда почти все уходят, на меня скользкой волной накатывает тошнота, вызывая желание разрушить все вокруг. Я должна помогать *спасать* жизни, а не стоять в сторонке, наблюдая за тем, как эти самые жизни забирают.

— Это далеко не конец, — открывая глаза, говорю я ему.

Это не закончится до тех пор, пока не завершится последний бой — пока Череп не коронует своего нового фаворита. Я никогда не смогу убить для него. Череп может вынуждать меня давать информацию, может издеваться, мучить, пытаться, но он никогда не сможет использовать меня, чтобы забрать чью-то жизнь. Моя совесть этого не позволит. Некоторые из бойцов хотят убивать... они хотят бороться от имени Черепа. Включая Джая. Каждый день я спрашиваю себя, почему жизнь Джозела стоит больше, чем чья-либо еще. Почему он стоит спасения и риска своей жизнью, в отличие от кого-то другого здесь? В такие моменты возвращается гнев, воздействуя на меня, как ничто иное. Он поглощает меня.

Воспламеняет меня.

Питает.

Я избавляюсь от рук Джая и уношусь прочь. Мне ничего так не хочется, как оставить свою совесть и достоинство за дверью и сопротивляться этому, делать все зависящее от меня. Но я не могу. Это не про меня. Не поймите меня неправильно. Я — боец, будьте уверены в этом. Просто не тот тип бойца, как они. Мои поединки эмоциональные, а не физические. Большинство дней я борюсь за жизни других, чтобы они смогли провести больше времени со своими любимыми. Вот так я проживаю свою жизнь. И не могу измениться сейчас. Не буду.

Я глубоко вдыхаю и задерживаю в себе тяжелый заплесневелый воздух, позволяя ему обжигать мои легкие. Уставившись на разваливающуюся стену передо мной, отчаянно пытаюсь успокоить болезненно колотящееся в груди сердце. Если я не умру от рук отделавшего меня бойца, то уверена, что это произойдет от мозговой аневризмы. Возможно ли, что собственный череп сожмется и раздавит твой мозг? Чувствую, что скоро узнаю это.

Это место вызывает у меня головную боль. Терпеть этого не могу: неизвестность, драму, игры. Как люди могут так жить? Я забираю назад все слова недовольства о своей прошлой жизни. Я люблю ее, и я скучаю по ней.

Она была такой простой.

Я вставала, уходила в больницу, возвращалась домой и ложилась спать. Сплюнуть и повторить. Я часто молила об азарте или переменах. Слишком много раз представляла себе обморок в больнице или грабеж с насилием в поезде. Я хотела, чтобы хоть что-нибудь — что угодно — произошло и отвлекло меня от обыденности жизни.

Что-нибудь, но не это.

Это совсем не то, что я имела в виду. Закрываю глаза, выдыхаю и снова открываю их. Я пройду через это. Как-нибудь.

— Эмили, я... — Джай замолкает, когда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него.

Уверена, что мои глаза красные и опухшие, кожа белая, как снег, но мне плевать на это. Здесь нет никого, кто выглядел бы отлично. Тоннели уже сказываются на нас — на всех. Одни заболевают, другие — сходят с ума. Такими темпами у Черепа к концу следующей недели будет свой победитель.

Я жду, чтобы он продолжил. Мне интересно, что еще он может сказать, чего не говорил ранее. Взгляд его голубых глаз, темных в таком освещении, смягчается. Он поднимает свои большие руки.

— Ты не можешь вечно ненавидеть меня. Нравится тебе это или нет, но мы здесь вместе.

Ох. Снова этот разговор. Я шмыгаю носом и перемещаю свой вес на правую ногу.

— Под вместе подразумевается, что мы команда. Ты действуешь самостоятельно. Это не командная работа.

— Чего ты ожидала от меня? Ты металась перед боем. Я сделал это, потому что знал, что ты и твое хрупкое тельце не в состоянии справиться с этим.

— Ты не знаешь меня, — огрызаюсь я. — Я прошла через большую кучу дерьма в своей жизни, в отличие от парня с трастовым фондом, как ты. Возможно, твой брат хотел присоединиться к преступной империи. Хорошенькое гребаное дельце! Позволь ему присоединиться. Очевидно, это то, чего он хочет.

Громкий рык вырывается из Джая, и я подсакиваю, когда он дергается и бьет кулаком в бетонную стену. Я закрываю рот на замок, а мое сердце стучит, словно миллион бросающихся в паническое бегство гну (*Примеч. антилопа*). Костяшки его пальцев разбиты, и кровь начинает сочиться по содранной коже. От этого зрелища мой желудок выворачивает.

— Моя жизнь такая, блядь, охеренная, потому что у меня есть деньги, верно? Моя самая большая проблема — испорченный брат, который решил присоединиться к банде, чтобы привлечь к себе внимание, верно?

Я обнимаю руками свою талию.

— Я...

— Неверно. Маленькая Мисс Сирота думает, что прошла через многое? Ты, блядь, ни хрена не знаешь о боли. Ты не знаешь, из-за чего мне пришлось страдать, — он делает паузу, уставившись на меня. Мы пристально смотрим друг на друга до тех пор, пока он не выдыхает и встряхивает своей окровавленной рукой. — Я могу быть твоим лучшим другом или злейшим врагом, Котенок. Могу помочь тебе выбраться или могу оставить гнить здесь. Так или иначе, я добьюсь того, ради чего пришел.

Чистой, не окровавленной рукой он лезет в задний карман и вытаскивает пачку налички. Деньги за мою победу. Много дней мы швыряли их туда-сюда, никто из нас не хотел претендовать на них. Джай швыряет пачку в меня, и мне удастся неуклюже вскинуть руки и поймать ее прежде, чем бумажки упадут на сырую землю. Я смотрю на него.

— Сделай выбор, — говорит он, прежде чем развернуться и уйти.

Я смотрю на деньги. Стараюсь держаться подальше от них. В моих руках они ощущаются чужими и неправильными, но думаю, что Джай больше не оставит мне выбора. Какую боль он, возможно, перенес? Я хочу узнать.

Вздыхая, я вытягиваю сотню из пачки, остальные сворачиваю и заталкиваю под подушку. Небрежно складываю купюру, засовываю ее за пояс моих джинсовых шортиков и направляюсь в бар.

Боженька знает, как мне сейчас нужно выпить.

Глава 3

Подарки

Джай

Я запикиваю пару купюр в задний карман и натягиваю на себя чистую футболку, вдыхая запах свежего хлопка. У меня быстро заканчивается чистая одежда. Засовываю руки в рукава футболки и натягиваю ее на живот. Рано или поздно мне нужно будет собрать свою одежду и постирать в зоне для купания. Я устал от всего, что связано с запахом крови, ржавчины и плесени. Это все и так витает в воздухе. Мне не нужно носить этот запах еще и на себе.

Позади себя слышу шарканье обуви по бетонному полу и смотрю через плечо, надеясь увидеть Эмили. Вместо этого натыкаюсь на пьяного Рафа. Прежде чем отвернуться в сторону, замечаю его опухшие глаза и липкую кожу. Я не виню его за то, что он балуется выпивкой. Один из бойцов, которого перекинули через перила, был его другом и соседом по комнате. Дерьмовая ситуация, неважно с какой стороны на нее посмотреть, но, по крайней мере, это подстегнет его биться еще жестче. Если он этого не сделает и будет биться, как его друг, то он труп.

Говоря о соседях, где, черт подери, Котенок? Она отлучилась некоторое время назад, и готов поспорить на свои следующие победы, сейчас совершает очередную глупость.

Мучительное чувство вины возникает при мысли о ней и о том, как она смотрела на меня. Прошло много лет с тех пор, как я терял самообладание подобным образом. Обычно я мог управлять им и использовать в боях, но до этого у меня были проблемы с контролем гнева. Ненавижу ее за это. Очень долгое время никто не заставлял меня сходить с ума так, как она. Что я нахожу в ней такого чертовски раздражающего, но в то же время такого милого? Может быть, причина во мне. У меня всегда была тяга к потерянными существам — животным, насекомым, людям — привлекающих тем, что они не знали, куда им двигаться. Эмили потеряна. Она не замечает этого, но ее старая жизнь привязана тяжелым грузом к ее миниатюрной лодыжке. Если нас не убьют здесь внизу и мы выберемся вместе, то я хочу помочь ей найти свое истинное призвание. Думаю, до конца своей жизни я обречен драться, потому что делаю это очень давно, но Котенок может заниматься чем угодно... и я хочу помочь ей. Это меньше, что я могу сделать после всего пережитого вместе.

Я смотрю вниз на свою побитую руку. Запекшаяся кровь покрывает порезы и ссадины, поврежденная кожа торчит, а вокруг костяшек начинают проявляться синяки. Я сжимаю кулак, и моя челюсть тоже сжимается, пока натягивается кожа, а кости болезненно ноют. Если придется драться в ближайшие несколько дней, то правая рука может меня подвести, и тогда не будет иметь значения, насколько я хорош. Слабость — это слабость, и любой боец точно знает, как использовать ее.

— В чем твоя боль? — спрашивает она, странно произнося конец предложения.

Она здесь. Я медленно оборачиваюсь. Котенок шатается и моргает гораздо дольше секунды. Она пьяная вдрызг — это очень опасное состояние, чтобы болтаться между баром и нашей комнаткой. То, что она вернулась невредимой — само по себе удивительно. Волосы, обычно аккуратно стянутые сзади, теперь взъерошенные, словно последние два часа она

нервно запускала в них пальчики.

Я хмурюсь.

— Ты о чем?

— В чем... — она икает и закрывает глаза, — ...твоя боль?

Ее веки тяжелеют из-за воздействия алкоголя, которого, очевидно, было слишком много. В конце концов, ей удастся разлепить свои глаза.

Я поднимаю поврежденную руку.

— Немного лопнувшая кожа на костяшках. Выглядит хуже, чем ощущается.

Ее голова нетерпеливо откидывается назад.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю.

Она хочет, чтобы я рассказал ей о своей жизни — о той боли, которую упоминал, но сейчас не время. Кроме того, мне не особо нравится пересказывать свое прошлое другим. Только моя семья знает ту душевную муку, с которой мне пришлось столкнуться... потому что она затронула нас всех.

Поняв, что я не скажу ей, Эмили вздыхает и поворачивается к своей кровати.

— Я выжрала цистерну бухла, просто чтобы собраться с духом и задать тебе этот вопрос, мудака. Меньшее, что ты можешь сделать — ответить на него.

Возможно, я на него и отвечу.. когда-нибудь. Я замечаю большой комок паутины, застрявшей в ее хвостике — без паучка, к счастью для нее.

— Зачем? — спрашиваю я, шагая ближе.

Эмили замирает, ее тело каменеет, когда я протягиваю руку и вытаскиваю паутину. Ее брови, уже больше не идеально выщипанные, сходятся вместе, а губы раскрываются, выпуская горячее быстрое дыхание. Я отпускаю мягкую порванную паутинку, на которую она даже не смотрит, и та падает на пол.

— Потому что ты пугаешь меня.

Она изгибает свое тело так, чтобы стоять прямо ко мне лицом. Ее плечи напряжены, а нервы на пределе. Я знаю, потому что даже воздух между нами потрескивает от напряжения. Едва ощутимо, в нескольких сантиметрах от моей, ее грудь начинает вздыматься, дышать становится сложно.

Я склоняю голову набок.

— Я пугаю тебя?

Она кивает, слегка шатаясь.

— Не всегда... иногда.

Я с трудом сглатываю, проглатывая слова «не пугайся» и «тебе нечего бояться...», потому что она должна быть напугана, и ей действительно есть чего бояться. Я никогда не причиню ей физической боли, но эмоциональную... эмоционально я уже предал ее. Я не такой, как Эмили — медсестра из Нью-Йорка, ухаживающая за больными и ранеными. Я совершал ужасные вещи, чтобы суметь оказаться здесь. Я забрал жизнь — *четыре* жизни — и сделал это без угрызений совести. Если бы она знала... то не была бы здесь и сейчас со мной. Но я нуждаюсь в ней.

Она нужна мне, и не только для реализации плана разрушить империю Черепа.

Я эгоистично нуждаюсь в ней.

Мне нужно ощущение реальности, которое она привносит в мою жизнь. Она не дает мне сойти с ума. Она не выпускает меня в мою же собственную голову. В этом все и дело — в

мести. Это не временное состояние. Это болезнь, зараза, которая поглощает тебя миллиметр за миллиметром, и остальное перестает иметь значение. Моя ненависть к Черепу залегает намного глубже, чем работа моего брата на него. Череп — причина, по которой я потерял родителей и сестру. То, что Джоэл работает с Черепом — всего лишь вишенка на чертовой вершинке мороженого, которое Череп преподнес мне. Я не буду сидеть сложа руки. *Не в этот раз.*

Мне нужно, чтобы она дарила мне ощущение реальности. Это не позволит мне рехнуться и удержит подальше от мыслей, блуждающих в моей голове.

— Ладненько, — заявляю я, сделав небольшой шаг назад, подальше от ее дрожащих губ. — Я и должен тебя пугать.

Отворачиваюсь от нее и делаю шаг в сторону двери. Останавливаюсь, когда своей маленькой рукой она обхватывает мое запястье. Она ощущается хорошо — даже *лучше*, чем хорошо. Мне нравится это. Мне нравится мягкость ее кожи, хотя она провела в подzemелье довольно долгое время.

— А еще с тобой я чувствую себя в безопасности.

Я смотрю на нее, ощущая, как эти мягкие пальчики скользят вверх по моей руке и останавливаются на локте. Изучаю ее застенчивое выражение лица, и оно не сходит, пока откровенный огонь не вспыхивает в радужке ее глаз, говоря, чего она действительно хочет. Немного выпивки — это все, что требуется, чтобы превратить ее отвращение и ненависть ко мне в желание? А что потом? Утром она опять будет злиться? Лучше оставлю ее пьяной — так мне не придется иметь дело с ее припадком.

— Я думал, ты ненавидишь меня, — заявляю я, придвигаясь еще ближе.

Нависаю над ней, и она вытягивает шею, чтобы встретиться со мной взглядом. Она красива со всех сторон. Интересно, знает ли она это?

Эмили прищуривается, ее плечи напрягаются.

— Я не ненавижу тебя. Я ненавижу то, что ты сделал, а в этом есть разница.

— Я спас твою задницу.

Она сжимает челюсть и с трудом сглатывает.

— В первую очередь, ты мог бы спросить, нуждается ли моя задница в спасении.

Это и ежу понятно.

— Нуждалась.

— Не тебе решать.

Не мне решать?

— Черта с два, если это не так.

Я никогда не пойму, что происходит в ее голове.

— Это не так, Джай. Я достаточно взрослая, чтобы принимать свои собственные решения. Я не нуждаюсь в тебе.

Я подавляю свою внутреннюю дрожь, не позволив ей отразиться на моем лице. Она не нуждается во мне? Я знаю, что она не это имеет в виду, но, тем не менее, мне немного больно. Разочарование разрывает грудь, а ярость натягивает мышцы.

Отказ. Вот, что я чувствую. После всего, что мы пережили, после всего, что было между нами, я ей не нужен? Я достал ей одежду — одежду, которая сейчас на ней — и это далеко не все, что я сделал. Я положил деньги в ее карман. Я спас ее гребаную жизнь. *Дважды.* И у нее есть наглость говорить, что я ей не нужен?

— Ты неблагодарная маленькая... — я хватаю ее лицо и обрушиваю свой рот на ее,

высказывая все свое разочарование в него — в нее.

Она тоже целует меня. Ее ротик, горячий и влажный, жадно пожирает мой. Я прижимаюсь к ней. Она прижимается в ответ. Эмили тянет мою футболку и царапает кожу. *Как же, блядь, я ей не нужен.* Прикусываю зубами ее нижнюю губу и оттягиваю вниз до тех пор, пока она не издает шипение. Шлепнув по моему плечу, она освобождает свою губу.

— Ауч, ты укусил меня!

Я саркастически ухмыляюсь.

— Не притворяйся, что тебе не понравилось, и что я якобы тебе не нужен, Котенок.

Она смотрит на меня и скрещивает руки на груди.

— Думаешь, ты такой умный, не так ли, Стоун?

Прищурившись, она наклоняется, ее поза вызывающая. *У Котенка яйца, как у льва. Кто ж знал?*

— Разве, в первую очередь, ты не хочешь накачать меня наркотиками? — она говорит тихим, угрожающим тоном. Никогда в своей жизни не накачивал женщину ради секса, и не собираюсь начинать это с ней.

Я хохочу. *Гребаные нервы.*

— Оу, обида из-за отказа. Не лучший твой образ. В первый раз не было необходимости в наркотиках, Котенок. Сомневаюсь, что и в следующий раз мне придется это делать.

Эмили усмехается.

— Что заставило тебя подумать, будто я когда-нибудь...

Я наклоняюсь к ней, снова обрушивая свои губы на ее рот. Она пятится назад, и я следую за ней. Нас шатает, пока она не упирается в стену и стонет мне в рот. Мне хочется отстраниться и посмеяться над ней. Хочется наказать ее, но тогда мы снова начнем ругаться, и она опять перестанет со мной разговаривать. Я не справлюсь с этим Адом. Мне нравится слушать ее голос. Подземелье ощущается более холодным, более одиноким без ее дружбы. *Господи Иисусе.* Послушайте меня. Могу я ляпнуть что-нибудь еще более нелепое? Если все это продолжится, то к концу недели мы будем заплетать друг другу косички и обсуждать наши прошлые влюбленности.

Я отстраняюсь, ее веки подрагивают и затем открываются. Ее гнев ушел, и мой тоже. Сейчас я думаю о том, что мы не должны бороться друг с другом. Не тогда, когда мы и так уже посреди войны.

— Могу я сказать тебе кое-что? — спрашиваю я.

Она отклоняет голову назад, упираясь в стену, и устало моргает.

— Ммм?

— На вкус и запах ты, как «Русское такси».

Когда до нее доходит смысл моих слов, широкая глупая улыбка появляется на ее губах и чертовски дразнит меня.

— «Русское такси», да?

Я киваю.

— Сколько ты выпила?

— Я уходила туда с сотней долларов, а вернулась с... — я отступаю назад, чтобы она смогла пошарить в карманах своих джинсовых шорт. Проходит небольшая вечность, прежде чем она замолкает и смотрит на меня. — Ничего. Я все прожгла.

Мои глаза округляются.

— *Все?* Ты слила сотню долларов на дерьмовую водку? Как ты поместила это все в себе,

и как ты еще жива?

Зевая, она проскальзывает между мной и стеной.

— Я хорошо переношу алкоголь, большое спасибо.

— Я верю тебе.

С опущенными плечами и нетвердым шагом, она добирается до своей кровати и падает на нее. Сетка скрипит и стонет, но не рвется.

— Это ничего не решает, Джай. Я, может быть, пьяна и немного возбуждена, но все еще злюсь на тебя, — бормочет она, подтягивая коленки к груди, и закрывает глаза.

— Знаю, — вздыхаю я и провожу пальцами по своим волосам.

Она такая тихая, такая спокойная, что даже не знаю, слышит ли она меня.

— Я знаю.

— Стоун? — шепчет Маркус в потемках.

Наконец-то. Оттолкнувшись от стены, делаю шаг из тени в тусклый оранжевый свет.

— Ты достал то, что я просил?

Маркус оглядывается через плечо и проводит свободной рукой по своим каштановым волосам. Кроме Эмили, Маркус — единственный человек, которому я доверяю здесь. Почему? Из-за денег, которые я плачу ему на лечение рака у его дочери. Без меня она не способна была бы дышать.

Он нервно и изо всех сил оттягивает воротник своей потрепанной голубой рубашки, и выдыхает. Не думаю, что прежде видел его таким нервным. Он был спокойным те последние несколько раз, что я имел с ним дело, даже когда он должен был достать «Трамадол» для меня. (*Прим. «Трамадол» — психотропный опиоидный анальгетик.*)

— С трудом, — отвечает он, вытаскивая пистолет, о котором я просил, из коричневой тряпки. — На кой хер тебе нужна пушка?

Даже в темноте я замечаю осуждение в его темных глазах. Не собираюсь объяснять ему. Маркус может быть «своим» парнем, но я не доверяю ему до конца. У него есть цена, как видите. Его можно подкупить. У него есть обязанности — *а это слабости*. Я не могу полностью довериться человеку, у которого есть недостатки. С другой стороны, есть Котенок, и Череп ничего не сможет использовать против нее.

— У нас уговор, помнишь? Я даю тебе деньги. Ты достаешь то, что мне нужно.

Он кивает. Я знаю Маркуса недолгое время. Мы встретились в другом подземелье год или около того назад. Когда он рассказал мне, как сблизился с головорезами Черепа, чтобы быть их мальчиком на побегушках, я понял, что смогу использовать его. Он единственный из всех нас, кому разрешено входить и выходить из тоннелей. Он — единственный, кому я могу заплатить за информацию. К сожалению, этот план (до сих пор) был гребаным провалом. Череп умнее, чем я думал. Маркус может работать на него, но Череп ни черта не доверяет Маркусу. Я еще выжимаю кое-какую полезную информацию из Маркуса о Черепе и всей его деятельности, но она на исходе. Вселенная кинула мне кость в виде маленького котенка. Больше мне не нужен Маркус для получения информации. У меня есть Эмили. И что важн

— Череп тоже заинтересован в ней. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Только вопрос времени — когда Череп захочет получить Эмили. Он озабочен тем, что она моя, а Череп всегда хочет то, чего не может иметь. Если я попаду в одну комнату с Черепом и Эмили, тут же будут посеяны семена конкуренции. Череп ненавидит соперничество.

Маркус протягивает мне Kahr PM9 (*Примеч. небольшой 9 мм пистолет*). Он небольшого калибра и прекрасно помещается в мою ладонь. Не тяжелый, около четырехсот граммов, и может отлично скрыться у меня за поясом. Я выбрал его по этой конкретной причине, потому что, если меня поймают с пушкой... меня отымеют.

— А остальное? — спрашиваю я, пряча пистолет сзади за пояс и прикрывая футболкой.

Брови Маркуса сходятся вместе, пока он вытаскивает маленькие бутылочки с шампунем и кондиционером.

— Странный запрос, даже для тебя.

Я протягиваю руку и не смотрю ему в глаза.

— Это не для меня.

Передавая шампунь и кондиционер, он склоняет голову набок, с любопытством изучая меня. Довольная улыбка появляется на его сухих губах, но я игнорирую ее и распахиваю багажник по накладным карманам шорт.

— Это для Котенка?

Я сплываю, не желая отвечать на вопрос. Из кармана своих рваных джинсов он достает запакованную зубную щетку и пасту. Я выхватываю их и запикиваю в карман.

— Я видел, как вы двое гуляете здесь. Кто ж знал, что романтика может расцвести в таком темном местечке?

Я усмехаюсь. *Романтика?* У меня нет времени на романтику. Я смотрю на него.

— Она помогает мне. Вот и все.

Засунув коричневую тряпку за пазуху, он складывает свои тощие руки на груди.

— Ей нужны чистые волосы, чтобы помочь тебе?

Из заднего кармана я достаю деньги. Две штуки баксов — огромные деньги для шампуня и кондиционера, скажу я вам, но делаю я это не в надежде, что Эмили влюбится в меня. Я делаю это потому, что она права. Надо было поговорить с ней до того, как накачать ее противницу наркотой. Не нужно было заставлять ее чувствовать себя слабой и немощной. Я не жалею о том, что сделал, но сожалею, что сразу не рассказал об этом. Шампунь и кондиционер — это своего рода задабривание. Я хочу оставить все ссоры позади и двигаться дальше.

— Ты когда-нибудь спал в одной комнате с девчонкой, у которой длинные невымытые волосы? — спрашиваю я его, и он качает головой. — Это как спать рядом с псиной. Грязной, вонючей псиной.

Я, может, немного и преувеличил. Волосы у Эмили не воняют, не очень, но они грязные.

— Отрицание — это опасная штука, Стоун, и совершенно не поможет.

— Я не отрицаю.

— Ты уверен? Я имею в виду, ты, твою мать, просто так раскошелился на две штуки на средства для волос?

Он приглаживает свои дурацкие густые брови, а я, нахмурившись, поворачиваюсь к нему спиной.

— Отвали, Маркус.

Глава 4

Утешение

Эмили

Во рту у меня помойка, ладно, даже хуже, чем помойка. В голове грохочет так громко, что я не могу заставить себя открыть глаза. Даже слабый оранжевый свет над головой ощущается, как суровое солнце. Я зарываюсь лицом в жесткую подушку и вдыхаю ее чистый, свежий запах. Мне нравится, как она пахнет, и я наслаждаюсь ее едва различимым мужским ароматом. Замираю, когда понимаю, что это не мой запах, и что у меня нет подушки. Без какой-либо стимуляции мои соски мгновенно твердеют, а мурашки начинают бежать узкой дорожкой от волос по спине. Я знаю этот запах. Я была окружена им, вдыхала его. Я пробовала его кончиком языка и терлась об него голым телом.

Мучительно щурясь, я приоткрываю один глаз и моргаю до тех пор, пока линии передо мной не проясняются и преобразуются в очертание сильной челюсти не дальше, чем в паре сантиметров от кончика моего носа. Тени на его коже делают ее темнее, подбородок покрыт немного отросшей щетиной. Его веки закрыты и прячут от меня глубокие синие глаза. Как я здесь оказалась? Я отчетливо помню, что засыпала на своей раскладушке. Не припоминаю, чтобы он перетаскивал меня с одной постели на другую. Или я была настолько пьяной?

Грудь Джая мирно приподнимается, упирается в мою и опадает через секунду или две. Упирается снова, а затем опадает. Он спокоен — совершенно спокоен. Открыв второй глаз, я приподнимаю голову, чтобы оценить уровень нашего переплетения. Его сильное бедро лежит между моих, а мое левое колено поверх его бедра. Только подумав об этом, я тут же начинаю ощущать, что правое бедро и ягодица совершенно онемели от тяжести его ноги. Его большая рука обнимает меня за талию, а другая находится под моей шеей. Мой переполненный мочевой пузырь болит, и пуговицы джинсовых шорт до боли врезаются в кожу. Тошнота накатывает волнами, прекрасно гармонирующими с каждым приступом пульсирующей боли в голове. Я в Аду — большом, мучительном, но полуэротическом, черт возьми.

Пытаясь не разбудить Джая, мне каким-то образом удается сдвинуть его руку и приподняться на одном локте. Выбраться из-под его руки — это самая легкая часть. А вот освободить ногу... мышцы покалывает сверху донизу. Я больше этого не выдержу. Слегка кручусь, закусив нижнюю губу от смеха, грозящего вырваться из груди от ужасного покалывания в правой ноге. Когда пытаюсь выдернуть свою ногу, Джай немного смещается, и я откидываю голову в сторону от его лица, не обращая внимания на свой мозг, впечатывающийся в переднюю часть моего черепа. Брови Джая нахмурены, волосы в беспорядке. Могу только представить, как выгляжу сейчас я — спутанные волосы, налитые кровью глаза и липкая кожа. Это нечестно, что я выгляжу так, когда Джай будто сошел со страниц журнала. Мне действительно нужно перестать смотреть на него спящего. Если он откроет глаза, то я буду выглядеть как огромная рептилия... но я не могу отвести взгляда. Я заморожена его сонной абсолютной красотой и безупречностью. Вау. *Насколько жалкая эта чертова мысль?* Я не могу отвести глаз от него — от его красивых, полных губ.

— Почему ты так смотришь? — бормочет он, его глаза по-прежнему закрыты.

Я пугаюсь, в то время как горячий жар, обжигающий мое лицо, может посоперничать с раскаленной лавой. Это было так заметно? Мое дыхание было слишком тяжелым? *О, Боже. Пожалуйста, не говори мне, что я тяжело дышала.*

— Я не смотрю! — говорю я, слегка обороняясь, но мой голос немного хриплый. Я прочищаю горло. — Я размышляла, следует ли мне разбудить тебя. У меня нога онемела.

Милая отговорка, лживая сучка.

Джай открывает глаза, с треском проваливаясь в том, чтобы сдержать ухмылку.

— Все для того, чтобы помочь тебе спать по ночам, Эм.

Эм? Такое впервые. Может быть, «Котенок», наконец-таки, пропадет из его лексикона? Было бы чудно, если бы он регулярно называл меня моим настоящим именем, а не каким-то слабым, наивным животным.

— Почему я здесь?

Он кладет руки за голову, и у меня уходит много сил на то, чтобы удержать свой взгляд на его лице, а не на руках. Что не так со мной этим утром? Похоже, в какой-то момент ночью мое либидо затопило мозг и теперь отказывается возвращаться назад. Он выгибает бровь.

— Ты следишь за мной еще с поезда.

— Не... — выдыхаю я, закатив глаза, — ... я не об этом. Я имею в виду тут, в твоей постели.

Он пожимает плечами.

— Ты мне это скажи.

— Я спрашиваю тебя. Если бы знала, то не спрашивала бы.

— В какой-то момент ночью ты перебралась ко мне.

— Правда-правда?

Он кивает.

— Правда-правда.

Ой. Ну что же, это разочаровывает. *Смех какой-то.*

— А я не говорила, почему хочу спать с тобой в твоей постели? Я злюсь на тебя, в конце концов.

Или, по крайней мере, *злилась*. Сегодня утром я чувствую себя хорошо — эмоционально, во всяком случае.

Опуская свои голубые, как океан, глаза, он качает головой.

— Неа.

— Представляю. Пьяная я и в самом-то деле не очень разговорчивая. Честно говоря, я немного удивлена, что до сих пор в своих шортах.

Джай смеется, его теплый обнаженный торс приятно вибрирует.

— Во-первых, пьяная ты обычно не можешь держать свой рот на замке, и, во-вторых, я не такой парень.

Я улыбаюсь. Рада, что он не из тех парней, которые пользуются женской уязвимостью. Каким-то образом я умудрилась застрять в этом подземелье с единственным порядочным мужчиной. В мире демонов я, в итоге, очутилась со святым. Неужели? Я никогда не была человеком, который верит в судьбу или предназначение, но, возможно, эта ситуация была предрешена... может быть, вся моя жизнь шла к этому моменту — моменту, в котором я смогу внести изменения в чью-то жизнь. Череп хочет Джая... смерть Черепа сделает Джая

счастливым и приблизит его к своей цели. Это справедливо, что я помогаю ему. Помогать ему — правильно решение.

Острый приступ беспокойства сводит мои внутренности судорогой, рот наполняется слюной. Содержимое моего желудка угрожает выплеснуться прямо на Джая. Это будет ужасно, но непременно случится, если он не сдвинется сейчас же.

— Меня сейчас стошнит, — стону я, прижимая ладони к животу.

Каким-то чудом он понимает, что я не шучу, и убирает ногу. Тошнота отступает, когда кровь приливает к моей неистово покальывающей ноге. Джай изумленно наблюдает, как я с трудом выпрямляю ногу и шевелю пальчиками.

— Ты не шутила, — говорит он, его голос полон веселья.

— Неа, — я растираю заднюю часть голени, оглядываясь через плечо. — Иисусе, твоя нога неподъемная.

Он гордо улыбается.

— Никогда не пропускаю тренировку ног.

Я открываю рот, чтобы ответить, и содержимое моего желудка подпрыгивает к горлу. Зажимаю рот рукой, когда кислота прожигает мой пищевод и выплескивается на язык. С трудом выпрямившись, Джай протягивает ко мне руку.

— Черт. Ты в порядке?

Я выпрыгиваю из кровати, проклиная онемевшую ногу, и вырываюсь из нашего небольшого уголка. Пробежав всего полпути к уборной, скорчившись, я выблеваю оставшуюся желчь из желудка. Она растекается по бетону у моих ног, и от ее запаха мне становится еще хуже. Мои ноги подкашиваются, голова кружится, но я стараюсь держаться. Что может быть хуже, чем привкус блевотины во рту? Упасть в эту лужу лицом. Когда мой желудок окончательно и бесповоротно пустеет, я вытираю рот рукой и выпрямляю спину.

— Полегче с бухлом, дитя.

Я поднимаю голову и вижу незнакомца, которому, как минимум, лет сорок, с журналом под мышкой, возвращающегося из туалета. *Дитя?* Я взрослая женщина, и что он вообще знает? Держу пари, если бы он имел дело хотя бы с половиной того дерьма, что и я, то уже выбросился бы через перила.

— Спасибо за совет, отец, — я опустошена и устало прислоняюсь к стене.

Он заливается хохотом и уходит прочь, оставив меня стоять над лужей блевотины. Ауч, это утро — полный отстой. Я провожу пальцами по волосам. Такое чувство, будто во рту что-то прокисло, и я ничего не могу с этим поделать. Выдыхаю воздух, раздувая щеки.

Чудненько.

После того, как меня вырвало, заставляю себя оттащить свою жалкую задницу обратно в комнату... где и прихожу в чувство. Я ненавижу его кожу и живые глаза. Ненавижу, как свежо он выглядит по сравнению со мной. Еще мне хочется стереть эту игривую ухмылку с его губ, но для этого требуется энергия. Энергия, которой у меня нет.

— Лучше? — спрашивает он.

Приготовьтесь. Уверена, у него заготовлено что-нибудь умное для меня. Он сидит на краю кровати, упираясь локтями в колени. Поднимается новая волна тошноты, но она и вполтину не такая сильная, как предыдущая, так что ее легко подавить.

— Даже и близко нет, — ворчу я, опускаясь на свою скрипучую раскладушку.

Обычно я сажусь на нее осторожно, опасаясь, что толстая зеленая сетка порвется. Но не сегодня. У меня нет сил. Мои мышцы отяжелевшие и вялые. Другими словами, к черту сетку. Побеспокоюсь о том, чтобы не упасть на задницу, когда не буду чувствовать себя так хреново.

Я подношу руку к лицу и закрываю глаза. Не хочу иметь дело с миром сегодня.

— Что мне сделать, чтобы ты почувствовала себя лучше?

Не убирая руку с лица, я говорю:

— Выстрели мне в голову. Если только не сможешь по-иному избавить меня от страданий, хотя сомневаюсь, что ты можешь что-нибудь еще сделать для меня.

— Не будь в этом так уверена.

— Что... — я вздрагиваю, когда что-то тяжелое ударяет меня в живот. Со стоном, я отнимаю руку от своего лица и смотрю на предмет, которым он кинул в меня. Что бы это ни было, оно внутри длинного белого носка. Сморщив нос, я смотрю на Джая.

Он улыбается, предвкушение светится в его глазах и на лице.

— Носок чистый. Обещаю, — он кивает головой. — Открой его.

— Это же не коллекция пальцев, оторванных у мужиков, которые с улыбкой посмотрели на меня, правда?

Джай молчит, но я уже знаю. Он склонен становиться немного...*ревнивцем*. И это не единственная его проблема. Он еще и яростный защитник. Большую часть времени я списывала это на его чувство вины за то, что я оказалась в этой ловушке с ним. А сейчас ничего не могу поделать с собой, но чувствую, что тут нечто большее.

Он закатывает глаза.

— Я храню их во втором носке.

Я усмехаюсь и открываю носок. Внутри находятся два небольших фиолетовых флакончика с шампунем и кондиционером, зубная щетка и паста. Мое девчачье сердце подпрыгивает от возбуждения, но я не позволяю этому отразиться на моем лице.

— Откуда это у тебя?

Он ухмыляется мне, пока завязывает шнурки.

— Я знаю одного парня. Наслаждайся, потому что это не дешевое удовольствие.

Джай заплатил за них? Зачем ему это делать? Я знаю, что не стоит спрашивать о цене подарков, потому что это невежливо, но, безусловно, правила этикета здесь не действуют.

— Во сколько тебе это обошлось?

Джай не отвечает. Вместо этого он заканчивает делать петли шнурка и стягивает их в тугую узел. Затем встречается со мной взглядом.

— Не все ли равно?

Я качаю головой.

— Нет, думаю, нет.

Мне просто любопытно. Шампунь и кондиционер — точно не то, что здесь можно достать, и если у него есть кто-то, имеющий возможность входить и выходить, то предполагаю, что эта услуга не из дешевых.

Джай вздыхает. Оттолкнувшись от кровати, он встает и поправляет свою белую

футболку.

— Чтобы удовлетворить твоё любопытство, Котенок, это стоит две штуки баксов.
ДВЕ ШТУКИ БАКСОВ? ЗА ТУАЛЕТНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ?! Я раскрываю рот.

— Две штуки? Они должны быть сделаны из бриллиантов за такую-то цену.

Он усмехается.

— Неа. Жаль разочаровывать, но никаких бриллиантов.

— Зачем? — спрашиваю у него. — Зачем ты делаешь это для меня?

Несколько бесконечных секунд Джай обдумывает мой вопрос.

— Это искупительная жертва. (*Примеч. концепция о прощении грехов в иудаизме посредством искупления, жертвоприношения за непреднамеренные проступки*). Это извинение за то, что относился к тебе, как к ребенку.

Уголки моих губ подрагивают. Ведь не каждый день можно услышать, как человек признает свою неправоту, и я восхищаюсь им за это.

— Извинения приняты.

Две тысячи долларов... не могу в это поверить. Я бы чувствовала себя плохо, если бы он потратил пять долларов, *но две тысячи?* Нет слов. Вместо того чтобы поблагодарить его, я сажусь и хватаю из-под грязной майки девять тысяч и девять сотен, что спрятала вчера.

— Приятно знать, что ты хранишь деньги в надежном месте, — комментирует Джай, но я игнорирую его.

Я протягиваю ему деньги.

— Это твое.

Он качает головой и сурово скрещивает руки на груди.

— Нет, не мое.

Со вздохом я кидаю ему деньги, и он ловит их прежде, чем они падают на пол.

— Эми...

— Нет, — я качаю головой. — Ты пришел сюда с деньгами не просто так. Они нужны тебе. Я пришла ни с чем, так что есть они у меня или нет, для меня это не имеет значения.

Я слезаю с койки и достаю из сумки чистую футболку.

— Это заработал ты, а то, что будет у меня, с этого момента я зарабатываю сама. Честно?

Взгляд его синих глаз прожигает, но ему не запугать меня. Всю свою жизнь я боролась за себя. Все имеющиеся у меня деньги, хоть и небольшие, были заработаны самостоятельно. Никаких подачек. Выход из зоны комфорта ничего не изменит. Я сама за себя. Всегда так было.

Пораженно выдохнув, Джай засовывает деньги в карман.

— Звучит честно.

Закинув футболку на плечо, я засовываю носок подмышку и обхожу Джая.

Ой! Прежде, чем я уйду.

— В любом случае, зачем тебе нужны десять штук?

Он оборачивается, любопытство сквозит в чертах его лица.

— Я думал, ты не хотела иметь ничего общего с моим планом?

Я пожимаю плечами, нервно играя краем своей футболки.

— Удовлетвори мое любопытство.

— Если ты настаиваешь, — он смотрит поверх моего плеча, после чего наклоняется ближе и понижает голос. — Договорился с одним головорезом Черепа. Я даю ему десять

шук, а он отвечает на один простой вопрос.

— Какой вопрос?

Джай сглатывает, на этот раз не в силах скрыть боль, промелькнувшую в его глазах.

— Жив или мертв мой брат.

Ох...

— Прости, что все тебе испортила.

Он дарит мне натянутую улыбку.

— Не имеет значения. Все равно я не думаю, что он бы мне сказал. Людям Черепа нельзя доверять. Вероятно, потратив на тебя деньги, я спас себе жизнь.

Неловкое молчание заполняет комнату. Думаю, мы никогда не узнаем, что произошло бы, если бы я не последовала за ним из поезда.

— У тебя есть новый план? — спрашиваю я. — Что ты теперь собираешься делать?

Меня обычно многое пугает, но никогда слова. Однако, следующие шесть слов, что слетают с губ Джая, ужасают меня так, как ничто прежде. Его взгляд падает на маленькую татуировку черепа на моей ключице — под стать его — и он говорит:

— Теперь у меня есть ты, Котенок.

Глава 5

Беспокойство

Джай

На ее лице написано все. Буквально через мгновение на нем отражается явный страх, и воздух, окружающий нас, становится затхлым — даже больше, чем уже есть. Ни для кого не секрет, что Эмили до смерти боится Черепа, и, скорее всего, это не самое умное решение: ставить на пути у Черепа того, кого он может так легко напугать. Я хотел бы, чтобы это был кто-нибудь другой, но вариантов нет. Она единственная, кто может помочь. У нее идеальное положение, чтобы помочь мне заполучить информацию о моем брате. И в то же время необходимо решить, какой частью информации из моего плана я могу с ней поделиться, пока не удостоверюсь в том, что ей можно доверять. Череп знает все детали о каждом находящемся в подземелье, но ему неизвестен мой план — моя цель — и я не могу позволить ему узнать ее прежде, чем буду готов.

— Я не на многое способна... я не могу идти против Черепа, Джай.

Беспокойство от того, как она произносит мое имя, скручивает желудок. Я не хочу просить ее подвергать себя такой опасности — никого не хочу. Это *мой* план, *моя* проблема, но, к сожалению, он точно не осуществится так, как я изначально планировал. Признание этого факта убивает меня. Я в тупике, и это сводит с ума. Клянусь, я на расстоянии нескольких дней от того, чтобы сделать миру одолжение, выстрелив Черепу в лицо, когда он, как обычно, склонится над перилами клетки... но так я никогда не узнаю о местонахождении Джоэла. Он нужен мне. Все, что осталось от нашей семьи, нуждается в нем.

— Все, что мне нужно — чтобы Череп сказал тебе, где мой брат. Вот и все. Если ты сможешь выудить это из него, не вызвав подозрений, то ты молодчинка. Я вытащу тебя отсюда.

Ее брови грустно изгибаются, глаза смотрят в сторону. Я хмурюсь, когда печаль отражается на ее лице и достигает губ.

— Знаю, ты хочешь, чтобы твой брат был жив и здоров, но что, если он...

— Даже не говори этого. Он не мертв, Эмили. Я уверен.

Она надувает свои сладкие розовые губки и кивает. Сочувствие. Сука, ненавижу это. Джоэл не мертв. Он не может быть мертв. Здесь нет вариантов. Я отказываюсь позволить Черепу забрать у меня *двоих* родных людей. Первой была моя сестра, а теперь брат? Нет. Резкая боль в груди почти парализует меня, и Эмили замечает, как поникают мои плечи. Она тянется ко мне, ее ладони раскрыты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Джай? Ты в порядке?

Моя грудная клетка напрягается, давит на легкие и мешает дышать. *Какого хера происходит?* Четкие линии мира размываются, меня мутит. Я отступаю назад, в то время как Эмили делает шаг вперед. Она загоняет меня в угол. Она вдыхает весь воздух! Использует его!

— Джай?

Спиной я ударяюсь об стену и приваливаю к ней, в груди все сжимается. Окружающие предметы становятся все меньше и меньше. Я не могу этого вынести. Я ничего не могу сделать!

— У тебя паническая атака, — говорит Котенок нежным успокаивающим голосом, ее тоненькие ручки все еще протянуты ко мне. — Нужно успокоить твоё дыхание. Все хорошо.

Я не нуждаюсь в разговорах и утешении. Мне нужно пространство. Мне нужно побыть одному. Я не хочу, чтобы она видела меня таким.

— Уходи! — рывкаю я, и она отскакивает назад.

— Нет. Не сейчас, когда ты нуждаешься в помо...

Стиснув зубы, выдавливаю из себя следующие несколько слов:

— Мне не нужна твоя помощь. Мне не нужна ничья помощь!

У меня нет времени на то, чтобы почувствовать себя виноватым, когда она вздрагивает. Вместо этого я сползаю вниз по стене, бетон задирает мою футболку и царапает кожу. Но я не чувствую боли. Только освобождение.

Только спокойствие.

К тому времени, как моя задница соприкасается с полом, Эмили уходит, и я остаюсь один.

История моей странной жизни.

Согнув ноги, я роняю голову на колени. Интересно, когда весь этот стресс доконает меня. Я заметил, что в последнее время все чаще выхожу из себя — вчерашний мой гнев на Эмили. Теперь это. Что дальше?

Они не шутили, сравнивая месть со злокачественной опухолью. С каждой минутой она затягивает меня все глубже ко дну. Знаю, это ненормально, но не могу позволить ей исчезнуть. Не могу позволить *ему* уйти. Мне нужен Джоэл, потому что я так больше не могу. *Не могу.*

Два года назад, когда Джоэл исчез и оставил меня присматривать за Джессикой, нашей шестнадцатилетней сестрой, я встал на путь мщения. Пока мы росли, домашняя жизнь была идеальной. Мы были настоящей семьей — семьей, в которой все любили друг друга и заботились друг о друге. Затем, той ночью, все полетело к чертям. Жаклин, моя старшая сестра, никогда не была «правильной девушкой». Она вела легкомысленный образ жизни, ее развлечения стали выходить за рамки дозволенных, что, в конце концов, и отразилось на ней.

Мы росли в стоящем на отшибе жилом комплексе на другой стороне города. Известное место оргий и вечеринок, и большинству из них было позволено продолжаться и ночью, если ты заплатил копам нужное количество налички. Большая часть семей в нашем городе были при деньгах, так что «правильная» сумма денежных средств всегда имелаась.

Правильная.

Жаклин была известной тусовщицей. Она знала, какая выпивка лучше, какие сигареты самые приятные, и от каких таблеток ты будешь чувствовать себя непобедимым долгое время. Она знала математику так же хорошо, как и древнюю историю, и могла выиграть любую дискуссию, в которую ты вступишь с ней... но это никак не помогало на вечеринках, а это все, чего хотела Жаклин.

В итоге, когда ей исполнился двадцать один год, мои родители махнули на нее рукой — перестали читать нотации и просто стали ее игнорировать. Они по-прежнему любили ее всем сердцем, но им просто все это надоело. Они хотели, чтобы она училась на своих

ошибках, а она и не возражала; по факту, она предпочла именно это.

Я все еще помню ту ночь, когда все стало совсем дерьмовым. Мне было шестнадцать, и, лежа на полу в гостиной, я смотрел повтор «Драконий Жемчуг Зет», отдыхая после тренировки по кикбоксингу. (*Примеч. Драконий Жемчуг Зем/DragonBallZ — это продолжение аниме Драконий Жемчуг. Серия близка к полной адаптации второй части манги Драконий Жемчуг, написанной и нарисованной Акирой Торияма*). Гоку был на середине пути в Камехамаха, когда маме позвонили.

У нее перехватило дыхание. Именно это привлекло мое внимание. Я перевернулся на живот и наблюдал за ней. Ее лицо, обычно гладкое и молодое, исказилось в ужасе, который пробрал меня до самых внутренностей. Ее обычно волнистые черные волосы вдруг потеряли очарование, а яркие голубые глаза потемнели, становясь мокрыми от слез.

— Я не понимаю.

Она смотрела на меня, но не видела.

— Передозировка? — слезы полились из ее глаз. — Вы уверены, что это моя Джеки?

Через секунду телефонная трубка выпала из ее рук и ударилась об пол, а она хрипло прокричала отцу, чтобы взял ключи от машины. Джоэл появился первым, протирая глаза ото сна.

— Перестань орать, ма. Ты не пропустила свежий выпуск «Космо». Я видел его на полках, когда шел на заправку сегодня утром.

Мама повернулась к Джоэлу, длинная синяя юбка зашуршала вокруг ее ног.

Когда он заметил ее опухшие глаза и растрепанные волосы, его состояние тут же изменилось от усталости до полной боевой готовности.

— Мама?

— Мне нужно, чтобы ты присмотрел за Джаем и Джессикой.

Возвышаясь над ней, он протянул руку и сжал ее плечо. Я смущенно смотрел, как крошечная фигура мамы задрожала. Она говорила тихим голосом — голосом, который я не мог расслышать из-за Гоку, его «силовых» звуковых эффектов, и не заморачивался, пока не увидел горе в темно-шоколадных глазах Джоэла и не осознал, что произошло что-то до ужаса неправильное.

— Кто это? — спросил папа, проскальзывая в комнату с ключами в руке. Он поправлял воротник своего бежевого свитера до тех пор, пока тот не стал идеально прилегать к задней части его шеи.

Мама отстранилась от Джоэла, и он опустил взгляд в пол. На его лице появился дикий взгляд, и мне это не понравилось. Совсем не понравилось.

— Это Жаклин, — ей удалось выдавить это прежде, чем рыдания захватили ее. — Она в больнице.

После этого все было, как в тумане. Я помню, что Джоэл готовил на ужин макароны с сыром для меня и Джессики, которой на тот момент было всего одиннадцать. Помню, как он отчаянно пытался быть веселым, делая все с натянутой улыбкой, но это не имело значения, потому что я чувствовал его страдания. В одиннадцать часов вечера телефон зазвонил снова. Джессика крепко спала, но Джоэл и я сидели в гостиной и смотрели фильм, особенно не вникая в его содержание. Он быстро ответил, сильно сжимая кулаком трубку телефона.

— Алло?

Он внимательно слушал, нахмутив брови. Когда они изогнулись, а нижняя губа задрожала, я понял — это не тот телефонный звонок, которого он ожидал и о котором я

молился. Он молчал. Пять долгих мучительных минут он не издавал ни звука. Когда он, наконец, заговорил, это было подобно взрыву. Я сорвался с места, мое сердце заколотилось в груди, когда он вскочил с кресла и выдернул вилку телефона вместе с розеткой. Кресло, на котором он сидел, пошло в расход следующим. Я спрятался у стены за книжным шкафом, пока он долбил его каркас, ломал украшения и рвал книги пополам. На мои глаза навернулись слезы. Не зная, что делать, я просто наблюдал. И это было чертовски *больно*. Я всегда равнялся на своего брата. Он был моим идеалом; самым сильным мужчиной, которого я знал, и вот сейчас он буквально рассыпался у меня на глазах. Не думал, что такое возможно, но, кажется, даже самые сильные люди могут разбиваться как стекло.

Гостиная была разнесена в пух и прах, Джоэл стоял в центре всего этого, и я, наконец, спросил:

— В чем дело?

— Жаклин... мертва, — просто сказал он.

Я с трудом сглотнул, подавляя острую боль в груди.

— А мама и папа... — его голос сорвался, а мои губы начали дрожать. — Мама и папа разбились на машине по пути туда. Они...

Джоэл всхлипнул, хватаясь руками за голову. Мое сердце облилось кровью, а легкие стянуло. Слезы побежали по щекам одна за другой, а колени подкосились. Я чувствовал, что мой мир с каждой секундой все больше ломается, и не знал, как это остановить.

В какой-то момент моя задница столкнулась с полом, и Джоэл, наконец-то поднял голову. Его глаза были красными и опухшими, как и у меня. Не имело значения, закончит ли он то, что хотел сказать, или нет. Я знал ответ. Я уже оплакивал.

— Никто из них не выкарабкался, Джай. Нас осталось трое.

Так и было.

Так как Джоэл был уже достаточно взрослым, ему доверили опеку надо мной и нашей младшей сестрой. В течение многих лет он был нашим опекуном и не жаловался. Ни разу. Я восхищался своим старшим братом еще задолго до событий, унесших жизни трех членов моей семьи, но в день, когда он взял на себя ответственность и поставил свою жизнь на паузу ради меня и Джессики... ну, в общем, нет слов. Хотя, он не всегда был счастлив. Я мог видеть это в его взгляде, которым он смотрел в свой черный кофе каждое утро. Видите ли, у него была нездоровая одержимость отследить того, кто продал наркоту Жаклин. Она поглотила его изнутри. Через десять месяцев он начал свое собственное расследование смерти Жаклин и, в конце концов, выследил дилера. Позже Джоэл рассказал мне, что парня, который продал наркотики Жаклин, очень трудно найти. Все отказывались говорить о нем. Они были слишком напуганы, чтобы сболтнуть его имя, но это не останавливало Джоэла. Задавая правильные вопросы и действуя расчетливо, ему удалось найти дилера. А когда он его обнаружил, план действий изменился. Он часами просиживал за компьютером, изучая что-то. Затем были тренировки смешанных единоборств. Теперь, если он не тренировался, то просто ел или спал. Всего за несколько месяцев он совершенно преобразился. Его всегда слегка рыхлое тело стало поджарым, рельефным и, блядь, устрашающим. Это вдохновляло.

К моменту исчезновения Джоэла, я уже окончил школу и был в состоянии самостоятельно присматривать за Джессикой. Два года я был в некотором роде ее родителем. Два мучительных года я справлялся с ней, а она в ответ обвиняла меня во всем. Но не это довело меня до края безумия. Она начала поздно заявляться домой, вечеринки, выпивка — в общем, последовала по сомнительной дорожке за Жаклин. Я сходил с ума и

нуждался в помощи. Мне необходима была помощь Джоэла. Поэтому одним роковым вечером я взломал его файлы и выяснил все о том расследовании — узнал о его одержимости к парню по кличке «Череп». По мнению Джоэла, Череп был виновен в смерти Жаклин. Он дал ей наркотик, который и привел к ее концу. Это был «пробник» нового вещества, над которым он работал — синтетический наркотик, состоящий из набора таких химических соединений, названия которых я не мог даже воспроизвести. Этой смеси оказалось слишком много для ее маленького тела, и она убила ее.

С того момента, как он выяснил имя, уже ничто не могло остановить Джоэла. Он жаждал прикончить Черепа, и единственным возможным способом осуществить этот план было присоединиться к его маленькому подземному клубу. Естественно, не каждый мог попасть туда. Ему пришлось делать карьеру в подпольном мире, чтобы привлечь к себе внимание. Как только он добился этого, Череп пригласил его на свой тайный подземный ринг. Вот и все. Если ты попал к ним, то это навсегда.

Я тренировался два года. Два года я бился, не жалея сил, попутно присматривая за своей младшей сестренкой. Не могу позволить пропасть этому впустую.

Теперь я здесь.

Сейчас одержимость Джоэла — моя одержимость.

И ничто не удержит меня от достижения моей цели.

Глава 6

Вторжение

Эмили

Я еле передвигаю ноги, не желая слишком быстро возвращаться в комнату. Сжимаю в руке носок с туалетными принадлежностями и одновременно провожу языком по гладким мятым зубам. Зубная паста появилась в самое подходящее время.

Опустив голову, я позволяю мокрым волосам завесить мое лицо и вдыхаю их запах. Не знаю, какой аромат у «для длинных жирных волос», но пахнет потрясающе. Уголки моих губ приподнимаются в легкой улыбке, когда ноздри наполняются свежим ароматом. Как же это мило, что Джай купил для меня туалетные принадлежности, но мне не дает покоя вопрос: что сподвигло его на этот поступок. Он сказал, что это искупительная жертва, но я не уверена. Может быть, это все мои фантазии, но либо я ему нравлюсь, либо мой запах стал слишком насыщенным для нашего небольшого уголка.

Я смахиваю волосы с лица и смотрю вверх. В семи шагах от меня находится вход в нашу комнатушку. Мой желудок словно проваливается, я значительно замедляю шаги.

Чувство вины?

Ага.

Я почти уверена, что тяжелое, болезненное ощущение в моем животе — это чувство вины. Почему я не могу держать рот на замке? Зачем намекаю, что его брат мертв? Его брат, Джоэл, очевидно, много для него значит. Он не может вынести мысли о его смерти. Мне непривычно видеть подобное. Я никогда не была кому-то преданной. Не знаю, что такое любовь к родным. Всегда была только я. Просто я.

Одна.

Я вдыхаю теплый, спертый воздух, и выдыхаю. Что, если он не хочет, чтобы я возвращалась? Что, если он не готов к разговору? Меньшее, что я могу сделать — это предложить выслушать его, и если он не захочет и этого, то пускай так и будет. Все просто. Я буду хреновым другом, если притворюсь, что его срыва не было вообще.

Пристально изучаю потрескавшийся почерневший бетонный вход. Заметив его сидящим у стены, уронившим прикрытую руками голову на колени, я почти отступаю назад и разворачиваюсь. Даже в наиболее уязвимом состоянии он выглядит пугающе.

— Эй, — слово вылетает из моего рта прежде, чем мозг успевает все обдумать.

Теперь уже слишком поздно отступать.

Он не смотрит вверх и не говорит ни слова. Со вздохом кидаю носок на кровать и усаживаюсь рядом с ним. Голова все еще пульсирует от боли, желудок по-прежнему скручивает, но я игнорирую это.

Не знаю, сколько времени мы сидим в тишине. Мимо проходит бесчисленное количество людей, осуждающих и шушукающихся, но Джай не двигается с места. Он остается неподвижным, словно камень.

— Прости, — шепчет он после небольшой паузы.

Я притягиваю колени к груди и прижимаюсь к ним щекой.

— Простить? За что?

— За то, что сорвался, — он поворачивает голову так, чтобы я смогла увидеть его лицо.

Его глаза не красные, кожа не горит — просто олицетворение спокойствия. Когда я плачу, то требуются часы, чтобы отечность прошла. Интересно, плакал ли Джай вообще.

— Я никогда не... я не... я обычно не...

— Все нормально, — говорю ему, а мои губы подрагивают. — Ты не должен объясняться со мной.

Облегчение светится в его глазах, после чего они снова поглощаются тьмой. Он качает головой.

— Нет, я объясню. Мы же в этом вместе, да?

Мы? Если мы не были вместе десять секунд назад, то теперь определенно это так.

— Верно.

Джай вдыхает и шумно выдыхает.

— Череп виноват в смерти Жаклин, моей старшей сестры.

Я хмурюсь.

— Жаклин? погоди. Я думала, что все это из-за Джоэла?

Он кивает, ероша пальцами свои волосы.

— Так оно и есть, но все началось с Жаклин.

И так оно и было. Он начал с самого начала, с Жаклин, и закончил собой и младшей сестрой, Джессикой. Не глядя мне в глаза, он раскрывает причины, которые вынудили его оказаться здесь. Но нашим глазам и не нужно встречаться, чтобы я смогла разглядеть в них боль. Она у него на лице: в его нахмуренных бровях и стиснутых зубах. Она в его сжимающихся и разжимающихся кулаках, в том, как меняется его голос. Ему больно, и он испытывает эту боль долгое время.

— Я и понятия не имела... — шепчу я, когда он заканчивает.

Неудивительно, что он так заикнулся на Черепе. Хотя он и не заставлял сестру Джая принимать наркотик, но это он предложил его, что привело не только к гибели девушки, но и повлекло за собой автокатастрофу его родителей и уход Джоэла в поисках мести.

Джай столько потерял. Свою сестру, родителей, брата... думаю, в масштабах Вселенной мне повезло, что у меня никого нет. Я не буду страдать из-за того, кого у меня никогда не было.

Он смотрит на меня, слегка наклонив голову. Я не осознавала до этого, насколько близко прислонилась к нему.

— Как душ?

— Это ты мне скажи, — я наклоняюсь, убирая свои волосы в сторону и подставляя шею. — Я все еще пахну, как «русское такси»?

Почти ничего не помню о прошлой ночи, но «русское такси» запомнила. Я бы даже обиделась, если бы он не был настолько прав. Со следующим биением сердца его теплое дыхание легко и быстро проносится по поверхности моей шеи, пригвоздив меня к месту и посылая мурашки по спине. Он вдыхает и через долгую мучительную секунду отстраняется на пару сантиметров. Но пара сантиметров — это недостаточное расстояние. Мое сердце до сих пор до боли колотится в груди.

Я сглатываю.

— Ну и?

Его взгляд падает на мои губы, и меня словно ударяет молния. Меня завораживает

пристальный взгляд его потемневших глаз. Если он не поцелует меня, чтобы ослабить мое внутреннее напряжение, то я взорвусь.

— Ты так приятно пахнешь.

Подобное высказывание не должно звучать настолько хорошо. Его слова — это музыка для моих ушей и удар по гормонам. Ни для кого не секрет, что Джай привлекает меня в сексуальном плане. А какую бы женщину не привлекал? Он — метр восемьдесят, или около того, мышц с успокаивающими голубыми глазами и с мягкими, черными как смоль, волосами. Он — сексуальный мужчина с обложки мужского фитнес-журнала — красавчик, забронированный только для знаменитостей.

— Я надеюсь на это. Иначе это была бы пустая трата денег.

Красивая улыбка изгибает его губы, но он не отстраняется от меня. Мне нравится, когда Джай улыбается, но еще больше нравится, когда он целует меня.

— К тому же, об этом не очень приятно говорить, — вру я.

Его улыбка становится шире, обнажая белые зубы.

— Говорит маленькая мисс, которая любит пялиться на меня, пока я сплю.

Я смеюсь и пребываю в шоке от искренности этого смеха. Наверное, так по-настоящему я смеялась всего лишь три или четыре раза за всю свою жизнь. Это звучит совершенно по-другому по сравнению с моим фальшивым смехом. И ощущается по-другому. Кто ж знал, что смех может быть таким исцеляющим.

Джай наклоняется, и головой я опираюсь на неровную стену, что наполняет меня надеждой на поцелуй.

— Ты не так уж и плоха, знаешь ли.

Я усмехаюсь.

— Не так уж и плоха? О, благодарю.

Он пихает меня плечом.

— Я говорю не о твоей внешности. Ты красивая, это очевидно, и не нуждаешься в том, чтобы тебе об этом говорили. Я имел в виду твою личность. Честно говоря, думал, что провалюсь здесь с тобой — особенно когда ты ревела в первые несколько минут — но все вышло отличненько. Мне нравится, что ты рядом.

Я улыбаюсь и бросаю взгляд на руки, нервно сцепляя пальцы вместе.

— Спасибо. Хотя не удивлюсь, что мы стали бы друзьями, если бы встретились при других обстоятельствах...

Он коротко смеется.

— Исключено.

Я смотрю на него.

— Почему?

Джай серьезно смотрит мне прямо в глаза.

— Потому что я не дружу с женщинами, которые привлекают меня. Это создает слишком много проблем.

Я открываю рот, чтобы спросить у него, что конкретно он находит привлекательного во мне, но голос разума останавливает меня. Вероятно, это к лучшему. Я, в любом случае, только отрицала бы все, что он сказал. Я же девушка. И это все объясняет.

Взглянув вверх, я с сожалением ощущаю вторжение. Мое сердце замирает, а улыбка сходит с лица. Это один из мужиков Черепа, и он с самодовольным видом засовывает свои руки в карманы черных слаксов.

— Занята? — спрашивает он, хотя я знаю, что это не вопрос.

Джай напрягается рядом со мной, ненависть и раздражение исходят от него волнами. Я качаю головой.

— Хорошо. Череп хочет тебя видеть.

Я ненавижу это. Все. Ненавижу ощущение бетона под ногами, пока стою за маленькой дверью служебного помещения Черепа. Ненавижу то, как сердце стучит в груди от страха перед одним единственным человеком. Ненавижу свое знание о том, что он сделал Джаю и его семье. Неведение было благодатью... но сейчас я не могу отключить саму себя. Не могу игнорировать это. Чего бы это ни стоило, Череп не получит моей помощи. Хотя к концу второго раунда будет ли это иметь значение? Он поймет, что я притворяюсь. И я все равно умру.

Головорез поправляет свой изумрудно-зеленый галстук и распахивает дверь. Замираю на мгновение и глубоко втягиваю воздух. *Я могу это сделать.* Иначе провалюсь, прежде чем даже успею это понять. Просто улыбайся и кивай. Соглашайся на все, чего он захочет от тебя. Лги сквозь зубы. Вернись к Джаю.

Я резко выдыхаю из-за того, что головорез грубо пихает меня в спину. Спотыкаюсь о порог и, не успев сохранить равновесие, падаю вперед лицом. Гнев, белый и горячий, прожигает вены. Я стискиваю зубы и поворачиваю лицо к придурку. Он смотрит на меня с самодовольной ухмылкой на губах, покрытых шрамами. *Ох, если бы только могла раздавить его лысую головушку голыми руками, то я бы...*

— Полегче, Котеночек.

Я замираю. Затем начинаю дрожать. Выпрямив спину и отряхнув джинсы, я оборачиваюсь. Освещение отстойное, но мне виден он. Череп сидит за небольшим круглым обеденным столом, и от этого кажется еще более высоким и мощным. Он одаривает меня зловещей ухмылкой.

— Сегодня чувствуешь себя бесстрашной, Котенок?

— Это не мое им... — тяжелая рука дает мне подзатыльник, и я чуть не прикусываю свой язык. Пора прекратить поправлять людей. Ох, Иисусе. Я умру как «Котенок без имени» вместо Эмили Шеппард. Что в этом достойного?

Я медленно оглядываюсь через плечо, игнорируя головную боль, вскипающую в моем затылке. Если бы я была больше и не находилась в подземной ловушке, то этот мудака получил бы жесткий удар по яйцам.

— Ты, должно быть, чувствуешь себя таким сильным, когда бьешь женщину.

Он скалит зубы и поднимает вторую чудовищно большую руку, обнажив тыльную сторону ладони. Я напрягаюсь, подготавливая свое несчастное лицо.

— Джим, походи и найди себе занятие, ладненько? Нам с Котенком кое-что нужно обсудить.

Я сверкаю перед ним самодовольной улыбкой, прежде чем оглянуться на Черепа. Очень надеюсь, что не нарвусь на Джима наедине. Это не закончится хорошо.

Уперев руки в стол по обе стороны от своей тарелки, Череп терпеливо ждет, пока Джим покинет комнату. Запахи здесь поражают меня. Колбаса. Яйцо. Тост с маслом. Мой рот наполняется слюной. Какое-то время у меня не было ничего, кроме черствого хлеба и бульона. Чего бы я только не отдала за горячую еду и воду со льдом. Черт, я даже соглашусь на просто воду, если уж на то пошло.

— Голодная? — спрашивает он, все еще ухмыляясь.

Я качаю головой и лгу:

— Нет.

Я представляю, как тост с маслом тает на моем языке. Это было бы вкусно, прекрасно, феерично, но не стоит того, чтобы быть должной Черепу, а это, несомненно, так и будет. Когда я выберусь отсюда — если выберусь — Джай будет должен мне завтрак.

Рядом с собой Череп выдвигает деревянный стул, и его металлические ножки царапают бетон.

— Присаживайся.

Я не колеблюсь. Ухватившись за края стула, я устраиваю свою задницу и поддвигаюсь вперед, пока мои ноги не оказываются под столом.

Череп берет нож и вилку и держит их над тарелкой, упираясь локтями в стол. Массивные золотые часы выглядывают из-под рукава его черной кожаной куртки, и я смотрю на циферблат. Одиннадцать утра. Чего бы я только ни отдала, чтобы снова почувствовать утреннее солнце на своей коже.

— Мои ребята шепнули мне, что ты и Джай Стоун сейчас не в лучших отношениях, — он кладет яйцо на кусочек тоста и с легкостью разрезает его.

— Нет, это не так.

— Разве нет? — он вонзает вилку в еду и подносит ее ко рту.

Я стараюсь не смотреть, как он открывает рот и заполняет его вкусным завтраком, но это невозможно. Видеть, как череп на его лице двигается, когда он жует... это жуть.

— Мы поссорились. Но теперь снова в порядке.

— Чудненько. Мне бы не хотелось, чтобы из-за глупой маленькой ссоры пострадало наше... соглашение.

Моя ключица горит, и я с трудом сглатываю.

— Соглашение?

Череп резко дергается, и я вздрагиваю от взорвавшего воздух громкого стука, сопровождаемого звоном столовых приборов и фарфора. А потом чувствую... холодный металл рядом с большим пальцем руки. Я разглядываю свою руку, небрежно лежащую на столе. Я не могла этого ожидать: Череп воткнул вилку глубоко в древесину совсем рядом с моими пальцами. *Вот... дерьмо.*

— Не играй со мной в дурочку, — он рычит, отчего его австралийский акцент слышится четче. — У меня нет гребаного терпения. Если ты ценишь свой большой палец, то будешь умной. И быстрой.

— Ох, соглашение, — я облизываю сухие губы. — Д-да, я помню.

— Помнишь? — он смотрит на вилку, потом снова на меня. — Забавно.

Череп высвобождает вилку из деревянной столешницы, и я сразу же кладу свои руки на колени.

— Не знаю, что ты хочешь, чтобы я выяснила. Джай похож на всех остальных здесь внизу.

Он нанизывает маленький кусочек колбасы на вилку и засовывает в рот.

— Но это не так.

Я включаю дурочку.

— Что ты имеешь в виду?

— Джай Стоун связан с Джоэлом Стоуном.

Это делает его подозрительным? Я смотрю на Черепа, ожидая продолжения. Просто скажи мне, что Джоэл жив, черт подери!!!

— И?

Он ухмыляется, и вытатуированные зубы на его губах самодовольно изгибаются.

— Я пока не уверен, что могу доверять тебе, Котеночек.

— Как доказать, что мне можно доверять?

Мне это нужно. Мне нужно знать, жив ли Джоэл. Если я смогу дать Джаю хоть часть этой информации для душевного спокойствия, тогда не буду чувствовать себя так плохо, когда оставлю его.

Череп откидывается на спинку стула и медленно жует, размышляя над тем, как я должна доказать, что достойна его доверия. Я искренне надеюсь, что это не еще одна татуировка. Не думаю, что смогу еще раз стерпеть это.

— Расскажи мне свой самый запретный, самый темный секрет.

Я хмурюсь. У меня нет секретов. Я никогда не делала ничего, что стоило бы скрывать и, кроме того, от кого мне скрывать их? Я не знаю никого достаточно хорошо, чтобы волноваться о том, что обо мне подумают. Подождите! Есть кое-что, что я скрываю, но рассказать ему об этом равносильно смерти. В таком случае, насколько полезной я окажусь? Хотя это может как сработать, так и нет...

К черту все.

— Я не должна была находиться здесь.

Череп выгибает татуированную бровь.

— Я тебя позвал сюда.

— Нет, не здесь, не в этой комнате. Я имею в виду здесь... в подzemелье.

Он склоняет набок голову.

— Я ехала в метро домой с работы... Джай тоже был там. На выходе он налетел на меня и разбил мой планшет. Я последовала за ним, и он, сам того не замечая, привел меня сюда. Чтобы спасти мою жизнь, он заплатил первоначальный взнос.

Череп анализирует мое лицо, и я стараюсь не отвернуться, пока его темные, практически черные глаза сканируют мои руки и грудь. Вечность спустя, он бросает столовые приборы и качает головой.

— Я чего-то не понял? Он сказал, что пришел сюда один.

— Это не его вина. Я...

Он резко дергается со своего места и врезается в меня. Его тело тяжелое и твердое. Я кричу, когда он сбивает меня со стула, и мы падаем на пол. Рукой он плотно обхватывает мое горло, придавливая к грязному бетону, и я извиваюсь, отчаянно пытаюсь вырваться на свободу.

— Ты, блядь, змея, — шипит он. — Ты даже не должна быть здесь.

Я крепко зажмуриваюсь, придя в ужас от черепа в нескольких сантиметрах от моего лица. Теперь понятно, зачем он наколол его, потому что я ощущаю настоящий ужас от этой татуировки.

— Но я... — я хриплю, мои легкие горят. — Я здесь. Я могу помочь тебе.

— Зачем тебе помогать мне? — требует он. — Ты не одна из нас. Тебе, блядь, нельзя доверять.

Мне нельзя доверять, знаю, но я должна заставить его поверить, что можно.

— Я рассказала тебе свой глубочайший темный секрет, зная, что он может убить Джая и меня, — выдавила я, открыв глаза. — Он мне не знаком. Меня не волнует, выживет он или умрет. Ты можешь мне доверять.

Расплывчатые точки танцуют перед моими глазами. При обычных обстоятельствах я бы паниковала, но сейчас мне это предпочтительнее, потому что они закрывают часть его ужасной татуировки. Интересно, убьет ли он меня, если скажу, что знаю: братство — это просто прикрытия для поиска «новых мускулов». Наверняка.

Он внимательно смотрит на меня.

— Мне следует прикончить тебя и подвесить на перилах. Никто не будет скучать по тебе. У тебя нет ни друзей, ни семьи. Твое убийство никого не взволнует.

— Ты можешь убить меня, — хриплю я. Он сжимает пальцы вокруг моего горла, и я жалею, что вообще открыла рот. — Но тогда ты ни у кого не выяснишь намерений Джая — при условии, что у него они есть.

Череп скрепит зубами.

— У меня есть свои люди. Люди, которым я могу доверять.

— Он никогда не заговорит с твоими людьми. Если ты сомневаешься в нем, тогда ты нуждаешься во мне, — я дышу с трудом, отчаянно пытаюсь вдохнуть. — Он доверяет мне.

— И с чего это я должен доверять тебе?

Давление его захвата ослабевает — он дает мне немного времени поговорить.

— Потому что у меня есть цена. Я не боец и не преступница. Я не хочу иметь ничего общего с тобой и твоими делами.

Череп склоняет голову набок, и это пугает. Все в нем вселяет ужас.

— Чего ты хочешь?

— Деньги и билет на самолет в один конец.

Его черные губы изгибаются в кривой ухмылке, пустив мороз по моим венам.

— Смотрю, ты пытаешься заключить сделку с криминальным авторитетом. Может, котенок на самом деле все-таки лев?

Я не лев, черт возьми, да и до котенка едва дотягиваю. Потому что я — это напуганный, маленький мышонок, пытающийся спрятаться в тени. Мне не хочется заключать сделку с Черепом. Я просто хочу обговорить способ избежать смерти прямо сейчас. Мы все знаем, как плохие парни подходят к своим сделкам: когда все заканчивается — приветливая улыбочка и пуля в затылок. У Черепа нет ничего, что он может предложить мне.

— Я тебе вот что скажу, — он приближает свое лицо еще ближе к моему, достаточно для того, чтобы наши губы соприкоснулись. — Ты выяснишь, что Джай замышляет, и я освобожу тебя от второго раунда.

— Ты можешь это сделать?

Он кивает.

— Я могу сделать все.

Он обрушивает свои губы на мои, а пальцами снова сжимает мое горло. Я по-прежнему не шевелюсь, чтобы сохранить последний плоточек воздуха в легких. Его влажный язык пробивает себе дорогу между моих губ и, когда он проскальзывает в мой рот, я хочу укусить

его, наказав за вторжение. Но не делаю этого... потому что мне дорог мой язык. Я изо всех сил зажмуриваюсь, не желая, чтобы этот ужасный момент до конца жизни пугал меня. Подумать только, ведь существуют же женщины, мечтающие быть с этим мужчиной. Меня тошнит.

Закончив исследование каждого миллиметра моего рта, он отстраняется и ослабляет хватку на моем горле. Его темные глаза встречаются с моими, самодовольная ухмылка появляется на губах. Череп доказал свою точку зрения. Он может делать что угодно, и никто не в силах его остановить. Я поняла это.

— Это все, на что ты надеялся? — я невозмутимо сплываю, смачивая болезненную сухость в горле.

Череп смеется, а его грудь вибрирует напротив моей. Оттолкнувшись от меня, он поднимается на ноги, затем протягивает татуированную руку, и я секунду колеблюсь, прежде чем вложить свою руку в его.

— Ты мне нравишься, Эмили, — говорит он, поднимая меня на ноги. — Я действительно надеюсь, что мне не придется тебя убивать.

Я отряхиваю джинсы.

— Я тоже на это надеюсь.

Глава 7

Рыжая

Джай

— Что насчет тебя, красавчик?

Нежный, соблазнительный тон ее голоса возвращает меня назад к разговору.

— Что насчет меня? — спрашиваю я, неохотно перемещая свой взгляд от входа в бар на рыжеволосую рядом со мной.

Грэм, зрелый мужик, которого я встретил в баре тридцать минут назад, отвлекся от разговора, больше сосредоточившись на грудастой блондиночке рядом с ним, которая, на мой взгляд, очень старалась привлечь его внимание. Это одна из особенностей женщин подземелья — сомнительная искренность. Они всегда плетут интриги, всегда стараются побыстрому добиться славы. Те, которым на это плевать, ищут дополнительную защиту. Бог знает, зачем. Большинство из них могут сами постоять за себя.

Она бросает взгляд в сторону двери.

— Ждешь кого-то?

Я пожимаю плечами и прижимаю жестяную кружку к губам, делая глоток виски.

— Может быть.

Обычно я не пью с утра пораньше, такое вообще редко случается, но сейчас я на взводе. Больше, чем обычно. Эмили уже давненько нет, и я не знаю, что она делает или что он с ней делает. Стискиваю зубы так сильно, что самопальная жидкость только со второго глотка течет по горлу.

Когда я решил подсесть к Грэму после нашей забавной небольшой беседы, он был один. Затем нарисовалась эта парочка, которая уговаривала меня выпить побольше. Я жалею, что пришел в бар, но никак не мог ждать в нашей комнате. Я бы свихнулся.

— Ну, по крайней мере, пока ты можешь повеселиться со мной.

Выдохнув, я опускаю кружку, и девица льнет ближе, победно изгибая свои розовые губки.

— Что насчет тебя? Чем ты занимаешься?

— Я ремонтирую автомобили, в основном это покраска, — *ложь*. — А что насчет тебя, Грэм? — спрашиваю я его, меняя тему.

Он поворачивает голову.

— А? Оу, утилизирую отходы.

Я ухмыляюсь. Отходы. Как оригинально — и совершенно не соответствует действительности. Татуировка черепа свирепого быка на боку его шеи означает, что он повязан с «Чокнутыми Сынами», скандально известной нью-йоркской бандой байкеров. Его настоящая работа связана со «складами», «татуировками» и «байками», или, другими словами, оружием, наркотиками и отмыванием денег. Я уверен, что если кто-нибудь копнет немного глубже, то они смогут, вероятно, приписать ему рэкет, убийства и, более того, изнасилования. Но я здесь не для того, чтобы судить. Не сегодня. Его удача в итоге закончится.

Грэм, должно быть, нуждается в наличке, чтобы расплатиться с Картелем. Последнее, что я слышал: они искали пару «Чокнутых» парней, которые задолжали им много денег. Я знаю, что Грэм не настолько туп, чтобы рисковать в подземелье с приближенными Черепа, который публично объявил войну «Чокнутым Сынам». Если только он не в абсолютно отчаянном положении.

Тупой ублюдок.

Как и большинство здесь, он и понятия не имеет, что это лишь шоу для Черепа, чтобы нанять дополнительных телохранителей; еще больше мужчин и женщин, которые будут выполнять его грязную работу. Как только Череп увидит его татуировку, Грэм покойник. Честно говоря, я удивлен, что Череп ее не заметил. Опять же, возможно, он не все видит сверху со своего дьявольского выступа. Кто бы ни собирал информацию для Черепа, он должен предупредить его о том, что у него есть враг здесь внизу. Как-никак он утверждает, что знает каждую деталь обо всех, входящих в его круг. Все, что знаю я — сборщик информации будет трупом, когда Череп узнает, откуда Грэм.

— Я — физиотерапевт, — мурлычет Рыжая возле меня, едва ощутимо касаясь меня своим предплечьем.

Как ее зовут? Ева? Айви? *Черт.* Я не помню. Мой мозг закипает, и я провожу рукой по лицу. Определенно есть лучший способ убить время, чем пить. Я делаю передышку, затем смотрю налево. Айви или Ева, *неважно*, может, и раздражает меня немного, но, по крайней мере, она — лучший способ убить время. Ее глаза вспыхивают, когда мы смотрим друг на друга, словно она услышала мои мысли. Потянув за голубой кристалл на кулоне ее золотого ожерелья, она дарит мне понимающую улыбку — улыбку, которая совсем не вызывает во мне желания развивать отношения за пределами бара. Кроме того, перепих с Рыжей означает, что у меня окажутся две девчонки, которые будут целиком и полностью одержимы мной, а у меня просто не хватит на все времени. Я улыбаюсь при этой мысли. Котенок отобьет мне яйца, если когда-нибудь услышит про это.

Как только я вспоминаю ее имя, она стремительно заходит в бар, ее большие красивые глаза расширены и взволнованы. Правая брочина разорвана, на белой майке пятна грязи. Я прыгиваю с ящика и сокращаю расстояние между нами в доли секунды.

— Котенок...

Она вырывает жестяную кружку из моих рук и допивает виски одним большим глотком. Плотнo зажмурив глаза, она проглатывает жидкость, показывая зубы.

— Тьфу. Это была плохая идея.

— Этот виски — дерьмо. У тебя похмелье. Конечно, это плохая идея.

Эмили прижимает тыльную сторону ладони по рту.

— Почему ты пьешь вообще? Сейчас едва ли середина дня.

Выдернув свою пустую тару из ее пальцев, я неодобрительно смотрю на нее.

— Ты последний человек на свете, который должен комментировать пьянство других, Маленькая-Мисс-Транжира-Сотни-Долларов-На-Водку.

Она закатывает глаза и легонько ударяет меня рукой, прежде чем заглянуть через мое плечо.

— Кто твои друзья?

Я не оборачиваюсь. Неважно, кто они. Они мне не друзья. Мне не нравится никто из них, а если Рыжая пронюхает об Эмили, кто знает, какую бурю это вызовет.

Я хватаю Эмили за руку.

— Они никто. Давай выбираться отсюда.

— Джай? — зовет меня Рыжая.

Блядь. Я сжимаю челюсть и поворачиваюсь настолько, чтобы увидеть своих «друзей».

Рыжая складывает руки на груди, нетерпеливо ожидая меня.

— Никто, да? — Котенок поддразнивает, ее улыбка становится шире, когда она вырывает свою руку из моей хватки.

Рад видеть, что она наслаждается этим. Я пораженно вздыхаю и указываю на них поочередно.

— Старик, повернувшийся к нам спиной — это Грэм. Блондинку я не знаю, а Рыжую зовут Айви или Ева.

Эмили приподнимает бровь.

— Ты не знаешь?

— Мне плевать.

Я наблюдаю за Эмили, пока ее взгляд сканирует Рыжую. Ничего не отражается на ее лице, нет даже малейшего намека на ревность. Если честно, это меня бесит. Я просто теряю разум, когда парни пристально смотрят на нее, как будто она — ужин, а она едва ли усмехается, когда девушка, *сексуальная* девушка, зовет меня. Какого хрена?

— Она красивая.

Я смеюсь. Неожиданно. И это бесит меня еще больше.

— Хорошо, скажи ей это. Может быть, она не надерет тебе задницу во втором раунде.

— Кто сказал, что я буду с ней бороться во втором раунде?

— Ты совсем не напугана.

— Точно, — она смотрит вниз на свое маленькое тело. — Легкая победа и все это...

Эмили проводит своими ладонями по джинсам. Я на девяносто пять процентов уверен, что они не были такими грязными, когда она уходила сегодня утром.

— Что с тобой случилось? — спрашиваю я, и то, что оставалось от ее уже небольшой улыбки, исчезает.

— Череп...

— Джай! Следующий раунд за тобой? — я оборачиваюсь, и раздражение накатывает на меня, когда Грэм поворачивается к нам.

Когда он видит Эмили, его улыбка становится шире, он приподнимает свою пустую кружку в воздухе.

— Дитя!

Я кошусь на Эмили, а она возвращает ему улыбку и толкает меня.

— Отец.

Я иду следом за ней. Грэм — совсем не тот, кого я хочу видеть возле Эмили.

— Отец?

— Мы познакомились в тоннеле чуть раньше, когда ее выворачивало, — отвечает Грэм, когда мы подходим к столу.

Я смеюсь так же, как и Эмили.

— Как мило, — невозмутимо говорит Рыжая, ее карие глаза пронзают Эмили насквозь.

— Признаю, это был не самый лучший момент для знакомства. Я — Эмили.

Она не испытывает какой-либо неприязни или ревности к Рыжей, но я замечаю, что это не взаимно. Рыжая хмурит брови, тем самым усиливая выражение отвращения в глазах. На ее лице то самое выражение, которого я ожидал от Эмили, которое я *хотел бы* увидеть у

Эмили.

Там, где Рыжая мускулистая и слегка мужиковатая, Котенок мягкая и женственная. У Котенка натуральные черные волосы, в отличие от Айви или Евы с ее поддельными рыжими кудрями и заметно отросшими темными корнями вдоль пробора. Рыжая красивая, и в этом нет ничего плохого, но Эмили, в противоположность ей, обладает естественной красотой. Ее красота элегантная... утонченная. Рыжая похожа на девушку, готовую надрать тебе задницу, если ты порвешь с ней, а Эмили выглядит хрупкой, готовой разрыдаться в подобной ситуации.

— Меня зовут Ава. А это Белла, — отвечает Рыжая скучающим и неприветливым тоном.

Эмили бросает на меня странный взгляд, который говорит: *«Надеюсь, ты не был слишком близко»*, и я пожимаю плечами. Я был достаточно близко.

— Ты собираешься присоединиться к нам в следующем раунде? — спрашивает Грэм, размахивая пустой кружкой.

Эмили качает головой.

— Боже, нет. Больше никакого алкоголя.

— Тогда почему ты здесь?

— Я искала Джая, но так как он немного занят, я поговорю с ним позже.

Грэм толстыми пальцами хватается Эмили за запястье и притягивает ее к столу. От давления его захвата ее кожа белеет. Я прикладываю массу усилий, чтобы не оторвать его пальцы. Блядь, я хочу сломать их.

— Я вижу, как сильно ты притянул ее, Отец, — предупреждаю я его.

Он убирает руку и поднимает их вместе ладонями вперед, словно сдаваясь.

— Прости, — он ухмыляется. — Не догадывался, что она настолько важна.

Игнорируя его, я нагибаюсь и вытаскиваю ящик из-под стола. Придвигаю его поближе к своему и подальше от Грэма. Это не из-за важности. Это из-за личного пространства и уважения. Уверен, он не хотел ничего плохого, но это не важно. Ему повезло, что у него все еще есть пальцы.

Нервно посмеиваясь, Эмили переступает через ящик и придвигает его к себе, садясь ровно между Грэмом и мной. Довольная расположением Эмили, Рыжая дергает за карман моих штанов и улыбается.

Нахмурившись на Эмили, которая с потрясающим умением избегает зрительного контакта со мной, я усаживаюсь на свой ящик. Прямо рядом с Авой.

Бог знает откуда, Грэм достает несколько купюр, кидает их на стол и передвигает в сторону Эмили.

— Поскольку у тебя план оставаться трезвой, то мы совершим еще один раунд.

Она приподнимает бровь.

— Почему я приношу напитки?

— Потому что ты не прольешь их.

— Довольно справедливо.

Как только она поднимается, я отодвигаю свой ящик. Уже собираюсь встать, но теплыми тонкими пальцами Рыжая сжимает мое предплечье. Я опускаю взгляд на ее руку, затем на ее лицо. Какого черта?

— Она большая девочка. Ей не нужна помощь. Верно, Эмили?

Я смотрю на Эмили. Ее темные глаза направлены на руку, которая напрямую заявляет права на меня. Сглотнув, она кивает.

— Верно.

Мы смотрим друг на друга, но мне трудно понять ее. Обычно она, как открытая книга, но в этот момент неясна. В основном я вижу.. любопытство, но есть и нечто более глубокое, что-то... темное. *Хорошо*. По крайней мере, я получил хоть какую-то реакцию от нее.

Затем она поворачивается и идет в сторону бара.

Не знаю, сколько кружек виски мне пришлось выпить для того, чтобы сделать эту ситуацию сносной, но я все еще ненавижу ее. Ненавижу каждую секунду. Каждый раз, как я встаю и собираюсь уйти, Ава или Грэм заставляют меня остаться и выпить еще. Я держу язык за зубами и не встаю, но только ради Котенка.

Ава хочет меня — это очевидно. Бог знает, сколько раз я чувствовал ее танцующие пальцы на внутренней части моего бедра, и если уйти сейчас, таща Эмили на буксире, то она обидится. Это выведет ее из себя, и она, скорее всего, затаит обиду. Когда это произойдет, Эмили станет мишенью — мишенью, которую Ава постарается устранить в клетке. А я не могу позволить этому случиться. Так что мне приходится играть. Я пью алкоголь, улыбаюсь, когда требуется, а иногда и заигрываю с Авой, чтобы потешить ее жалкое эго. Это становится скучной рутинной: поток, улыбка, комплимент, поток, улыбка и смех над шуткой время от времени.

Это сводит с ума. Слушать историю за историей, шутку за шуткой про дерьмо, на которое мне плевать. У меня голова идет кругом. Я обдумываю вариант с перевернутым столом и убийством их всех деревянной доской, что положило бы конец пыткам, но тут Эмили встает — *мое, блядь, спасение и благодать* — и я, не теряя времени, вскакиваю с ящика, заставив Аву убрать руку с моего бедра. Я заваливаюсь на стол, расплескав виски Грэма. Он ругается на меня, но моя голова слабо соображает, и его слова остаются неслышанными.

Ура.

— Иисусе, Джай. Ты перепил? — Котенок отчитывает меня, оборачивая свою теплую руку вокруг моего бицепса.

Я моргаю несколько раз. Когда же я так напился?

— Я должна проводить его, чтобы он прилег, — предлагает Ава, ее голос звучит далеко позади меня.

— Нет. Он должен проспаться, — резко отвечает Эмили. — В своей собственной постели, — добавляет она на всякий случай.

Я не могу сдержаться фырканье, и она щипает меня, отчего я взвизгиваю. Сообразив наконец, с улыбкой оборачиваю руку вокруг ее шеи.

— Ты хороший друг и убедишься, что ко мне не будут приставать в таком беспомощном состоянии.

Она внимательно смотрит на меня, ее бровь вздернута. Я стараюсь не наваливаться на нее, но ноги постоянно странно спотыкаются, когда мы пытаемся уйти.

— О чем ты вообще говоришь?

— Айви. Она...

— Ава.

— Ева. Именно это я и сказал.

Фыркая и сдерживая улыбку, Котенок тепло оборачивается вокруг моей талии и пытается тащить меня за собой.

— Ее имя, — она хрипит, когда мы выходим из бара. — Ава.

— Ох. Правильно. Ави бы совершенно точно отшлифовала это, если бы я ей позволил.

— Отшлифовала что?

Я указываю на свое тело.

— Это.

Она смеется. *Сильно*. Под моей рукой ее тело трясется, и мне нравится, как прищуриваются уголки ее глаз. Большая часть моего веса переходит обратно под мой контроль, потому что ее тело слабеет от смеха. Как ни странно, но это я, в итоге, поддерживаю ее, так как она впадает в состояние истерики. Это заразно — то, как ее губы растягиваются и изгибаются, обнажая ровные белые зубы. Я понимаю, что передразниваю ее и смеюсь, пока у меня не начинает болеть живот. Мне не доводилось так смеяться уже долгое время.

— Ты слишком смешной, — она вздыхает, ее грудь слегка трясется от непроходящего хихиканья.

— Ты должна веселиться чаще. Поменьше серьезности. Это тебе идет.

Не могу вспомнить последний раз, когда я чувствовал, что могу веселиться... до того, как Жаклин умерла, наверное. С того момента, как я назвал Эмили Котенком — именно тогда я почувствовал эту искру снова. Искра возбужденности и веселья. Я скучаю по ней. Скучаю по этому теплу.

Эмили наклоняет голову, загадочная улыбка изгибает ее губы.

— Что?

— Ничего, — вру я, качая головой. Я сглатываю и прижимаю ее к себе, в то время как слова, которые хочу произнести, остаются невысказанными.

Ты мне очень нравишься, Котенок.

Глава 8

Недоверие

Эмили

— Ты приятно пахнешь, — с улыбкой бормочет Джай, пока я помогаю ему улечься на раскладушку.

Для справки: я просто отпускаю его, когда понимаю, что он достаточно к ней близко. Он заваливается спиной на кровать, свесив ноги, и она скрипит под его весом. Я подняла бы их и помогла закинуть на раскладушку к остальному телу, но точно знаю, насколько они тяжелые. Его комфорт не стоит боли в моей спине. Несколько секунд спустя он закрывает глаза, но его тело никак не успокоится.

Тупая задница.

Ему не следовало столько пить. Я наблюдала, как он пил кружку за кружкой, и ждала, когда же он притормозит, но чем дольше они разговаривали, тем больше он напивался. И Ава. *Господи*. Не дайте мне даже начать. Потребовался усиленный самоконтроль, чтобы не переломать на ее руках красивенькие маленькие пальчики. К счастью для нее, я не бешеное животное, которому нравится метить свою территорию. Возможно, это к лучшему. Ава конечно девушка, но при этом сильная девушка. Ее тело рельефное, она в хорошей форме. Держу пари — она сможет разломать арбуз бедрами. Я имею в виду, что у нее даже на шее есть мускулы.

— Чего хотел Череп?

Громкий голос Джая вырывает меня из моих мыслей, и я бросаюсь к нему. Поворачиваюсь и зажимаю его рот рукой. Он реагирует не сразу и вздрагивает, когда моя ладонь две секунды сжимает его губы.

— Ты мог бы сказать это еще громче? — грубо шепчу я, напуганная тем, что кто-нибудь услышит.

Прежде чем отпустить меня, Череп четко дал понять, что случится, если я предам его, и, откровенно говоря, мне нравятся мои соски на своем месте.

— Чего он хотел? — бубнит Джай в мою руку.

Я убираю ее, оставляя в покое его полные губы. Он шевелится под моим телом, но я не двигаюсь.

— Он хотел знать, в хороших ли мы с тобой отношениях.

Я не говорю Джая, что Череп знает, как я здесь оказалась... и что это я сама сказала ему об этом. И еще не говорю о том факте, что Череп говорил о его брате. Это ничего не изменит, но разозлит его без причины.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что мы ладим.

Джай смотрит на меня своими голубыми глазами. Интересно, что он может увидеть. Он доверяет мне? Думает ли он, что я утаиваю от него информацию, как и он от меня? Череп не сказал мне, кто такой Джай и чем он зарабатывает, но, очевидно, это выводит его из себя.

— Ты бы умышленно не утаивала информацию от меня, не так ли? — спрашивает он,

его голос решительный и трезвый.

Мы смотрим друг на друга, напряжение в миллион вольт потрескивает между нами. Я не утаивала бы *важную* информацию от него, но кое-что ему пока не стоит знать.

— Нет. И взамен я ожидаю того же.

Джай кивает.

— Конечно.

Он говорит с уверенностью, но этого недостаточно, чтобы убедить меня. Я чувствую, как темные семена сомнения, посеянные Черепом в моем мозгу, начинают прорасти. То, на что он намекнул... Я не идиотка. Могу определить, когда кто-то пытается манипулировать мной, а Череп, определенно, пытается перетянуть меня на свою сторону. Стыдно признать: я покинула его комнату с чувством, что совсем не знаю Джая... и по прошествии времени это подтверждается.

Его взгляд пристально осматривает мое лицо, глаза затуманиваются, а брови сходятся вместе.

— Ты не веришь мне?

— Череп действительно хочет узнать, что ты замышляешь. Он раздражен. Он не знает, должен ли просто прикончить тебя сейчас или поверить на слово... есть только несколько вещей, которые заставят человека вроде Черепа задуматься дважды об убийстве.

— И какие же?

Я качаю головой. Разговор с пьяным человеком пустая трата времени. И будет ли он помнить что-то утром?

— Прямо сейчас это не имеет значения.

Я пытаюсь оттолкнуться, но он своей большой рукой хватает меня за бицепс, притягивая ближе, пока наши лица не оказываются в паре сантиметров друг от друга. Мое сердце бешено бьется в груди, ускоряясь с каждой секундой.

— Ты можешь доверять мне.

Могу ли?

— Я никогда не сделал бы ничего, что обманет твое доверие.

Так ли это?

— Я смогу защитить тебя.

Сможет ли?

Я хочу задать ему все вопросы, которые крутятся у меня в голове, но не делаю этого. Разве он мне должен? У него нет обязательств заботиться обо мне, охранять меня. Мы едва ли знаем друг друга... и это пугает меня до чертиков, потому что я забочусь о нем. Я называю его другом.

— Я верю тебе, — говорю я ему. *Но я просто не могу так запросто положиться на тебя.*

Всю свою жизнь я борюсь сама за себя. Забочусь о себе. Доверие не может быть разрушено, когда тот, на кого ты можешь положиться — это ты сам. И в завершение всего: если перед ним будет стоять выбор — я или его брат, то он, безусловно, выберет семью. Родные всегда на первом месте... а я — не его семья.

Печальная улыбка появляется на его губах, и, странно, в моей груди образуется тяжесть.

— Нет, не веришь.

Я отвожу взгляд от его лица. Взгляд его глаз... это слишком. Почему от этого я чувствую себя так ужасно?

— Этим утром... ты спросила меня, почему оказалась в моей кровати. Хочешь узнать?

Еще один кошмар, наверное. Как ни странно, я работаю в больнице, а смертей насмотрелась здесь намного больше. Мы с Джаем никогда не разговаривали о моих кошмарах. Хотя он будит меня каждый раз на середине, а затем утешает. Вот и все. И мне это нравится.

— Нет, если тебе пришлось напиться, чтобы сказать мне.

Это не всегда хороший знак.

— Ты плакала во сне. Лицо было влажным, а тело содрогалось...

Я оборачиваюсь и всматриваюсь в его лицо, в обеспокоенные голубые глаза.

— Джай...

— ...ты рыдала и просила о помощи. Я не обязан был успокаивать тебя. Ты бы все равно не узнала, что я это делал, но это был мой выбор... потому что твоя душа в этом нуждалась. Я говорил тебе, что буду заботиться о тебе, и сдержал бы обещание, даже когда, вроде бы, и не обязательно... даже, когда ты бы не знала о нем.

Его теплое дыхание обдувает мои губы, согревая кожу.

— Зачем? — спрашиваю я. — Почему ты вообще беспокоишься?

Он делает паузу. Не думаю, что когда-нибудь видела, чтобы пьяный человек тщательно подбирал свои слова. Он смотрит на мои губы, и внезапно его веки тяжелеют.

— Потому что мы нуждаемся друг в друге.

Потому что мы *нуждаемся* друг в друге? Он тоже нуждается во мне? Я всегда ощущала себя единственной, кто цепляется за эту дружбу, именно потому, что нуждаюсь в *нем*, чтобы выжить, чтобы выбраться отсюда живой. Нужно благодарить свою счастливую звезду за то, что Череп доверился мне, стремясь получать информацию о Джае. Это делает меня полезной, а пока я полезна — я необходима.

Пристальный взгляд Джая мечется между моими глазами и губами.

— Я хочу поцеловать тебя.

Воздух покидает мои легкие, когда левую руку он сдвигает вниз, к моей пояснице, а правую перемещает к моему лицу. Мы всегда оказываемся в такой ситуации, когда один из нас, или оба, теряем контроль. Не знаю, как охарактеризовать наши отношения, но это повторяющийся сценарий, от которого нужно уходить. Однако сегодня вечером не алкоголь является причиной, по которой я не хочу его поцелуя. Я начинаю дрожать, когда вспоминаю, как язык Черепа ощущался рядом с моим.

— Остановись, — шепчу я, когда его губы касаются моих, вызывая головокружение.

Джай отстраняется.

— Что не так?

Я с трудом сглатываю. Не хочу говорить ему о Черепе, но он должен знать, если собирается засунуть язык туда же, куда и Череп несколькими часами ранее. Должен знать, если собирается обменяться слюной со своим врагом.

— Если поцелуешь меня, то поцелуешь и Черепу тоже.

Джай хмурит брови, и беспокойство разрастается у меня в животе, пока он в недоумении слегка склоняет голову.

— Что это значит?

Даю ему несколько долгих секунд, чтобы обдумать сказанное мной. За этим было бы мило понаблюдать, если бы не проклятое беспокойство, заставляющее мою кровь вскипать в венах. Затем его осеняет, глаза сужаются до агрессивных щелочек, которые с каждой

секундой становятся все темнее.

— Он... — Джай морщит нос и кривит губы. — Он целовал тебя?

— Поцелуй — это такое хорошее слово, давай не портить его, — говорю я, неудачно пытаюсь пошутить. — Это больше походит на то, что он вторгся своим языком в мой рот.

Я не могу прочесть эмоции на его лице, но тело подо мной напрягается и становится полностью неподвижным. А затем происходит вспышка. *Он взрывается.*

Со следующим ударом сердца Джай уже на ногах, а я одна на раскладушке. Волоски на шее встают дыбом от тревоги, когда я сажусь и смахиваю с лица выбившиеся пряди. Он выглядит крупнее, чем обычно, шагая взад-вперед.

— Джай, что ты делаешь?

Он игнорирует меня. Джай тяжело дышит, его ноздри раздуты, глаза сверкают гневом, а кулаки агрессивно сжимаются по бокам.

— Ты слышишь меня?

— Я слышу тебя, — огрызается он, тем самым пугая меня. — Я слышу тебя четко и, блядь, ясно.

Он чертовски сильно пугает меня. Этот взгляд на его лице я видела лишь однажды. Во время первого раунда, когда он избивал своего соперника до полусмерти. Тогда он мне не понравился, и не нравится сейчас — особенно сейчас — когда направлен на меня. Однако, пока мои внутренности от страха завязываются в узел, я сохраняю лицо спокойным, а голос ровным.

— Тогда ответь мне. Что ты делаешь?

Джай дергается вперед, а я отшатываюсь назад, врезаясь в бетонную стену. Трение о бетон обжигает мою поясницу, но я слишком потрясена, чтобы почувствовать это.

— Как ты могла позволить ему прикоснуться к твоим губам?

Я впадаю в ступор, как идиотка, прежде чем вновь обретаю дар речи.

— Я? Что мне оставалось делать? Я не могла противиться ему, когда он делал мне татуировку, и что же заставляет тебя думать, что у меня получилось бы помешать ему с поцелуем?

Рыча, он оборачивается и несется к своей сумке у изножья кровати. Не обращая внимания на молнию, он разрывает ее и достает что-то черное. Именно тогда я замечаю это — пистолет в его руке. Замерев, пялюсь широко открытыми глазами. Черт, откуда он у него? Быстрым, практически искусным движением он достает магазин и проверяет пули. Они все на месте. Он вставляет его на место и перезаряжает пушку, пока не раздастся щелчок.

— Срань господня. У тебя есть чертов пистолет? — шиплю я.

Интересно узнать, где он раздобыл его, но это меньшая из моих проблем на данный момент. Я соскакиваю с раскладушки.

— Что именно ты собираешься делать?

— Собираюсь пустить пулю прямо в башку Черепа.

Он поворачивается к выходу, его движения все еще нечеткие, но, в то же время, целеустремленные. Прежде чем он успевает выйти в главный тоннель, я проскальзываю перед ним и толкаю в его большую грудь. Он не отходит, но останавливается. Этого вполне достаточно.

— Не будь глупцом, Джай. Они убьют тебя, а значит, и меня. Ты хочешь умереть? — я хватаюсь за спасительную соломинку, зная, что человека, находящегося под влиянием алкоголя, убедить тяжелее, чем того, чьи эмоции под контролем. — Как насчет Джоэла? А

что насчет твоей младшей сестры, Джессики? Она окажется совсем одна. У нее никого не останется.

Он смотрит мне прямо в глаза, оружие все еще в его руке.

— Ты наслаждалась этим?

Я склоняю голову набок. Наслаждалась этим? Наслаждалась чем?

— Поцелуем?

Джай разочарованно выдыхает и пытается обойти меня, но я остаюсь перед ним, толкая жестче в грудь.

— Нет, — убеждаю я. — Как я могла? Это произошло после того, как он почти всадил вилку мне в руку, сбил со стула и угрожал убить. Не самый верный путь к сердцу девушки.

Джай удерживает мой взгляд, и каждый мускул моего тела горит от напряжения.

— Я убью его.

Я киваю, глядя ладонями его широкую грудь.

— Знаю, что убьешь. Только не сегодня вечером.

Он выдыхает, и его тело расслабляется. Я рискую и забираю оружие из его крепкого захвата. Удивительно, что случайно не нажимаю на курок и не выстреливаю себе в ногу. Позади меня кто-то откашливается, и мое сердце уходит в пятки. Не оборачиваясь, я засовываю пистолет за пояс джинсовых шорт и прячу под майкой. Мой пульс колотится в горле и запястьях с бешеной скоростью. Если повернусь, оружие заметят.

Я смотрю на Джая. Вероятно, он видит панику на моем лице.

— Раунд второй, Стоун, — говорит мужчина. Поношенная черная боксерская груша глухо приземляется у наших ног, а поднявшаяся пыль оседает на нашей обуви. — Через два дня.

Джай не отвечает, после чего мужчина исчезает.

Я провожу рукой по лбу — кожа горит. Уверена, что паника довела меня до горячки. Никогда так не пугалась в своей жизни.

— Черт возьми. Это было близко.

Джай протягивает свою большую руку, выставляя широкую ладонь.

— Отдай мне пистолет.

Ага. Этого не случится.

— Ни за что, Рэмбо. Я не хочу умереть сегодня.

— Я не собираюсь совершать глупостей. Ты права. Мы зашли слишком далеко, чтобы сейчас все разрушить.

Я с любопытством слежу за ним.

— Ты не собираешься убежать, сверкая пушкой?

Я пишу, когда он цепляется своим сильным указательным пальцем за петельку на поясе и притягивает меня поближе.

— Нет.

Тыльная сторона его пальцев дарит тепло моему животу, пока он хватает рукоятку пистолета и вытягивает его. Он возвышается надо мной. *Прекрасный великан.*

— Не знаю, зачем ты обучался борьбе, если можешь отлично управляться с пистолетом, — указываю я.

— Пистолет — это не так весело.

Чувствую, как холод накатывает на меня. В его словах есть смысл. После того, как пушка снова оказывается в его сумке, он находит носок с туалетными принадлежностями и

бросает его мне.

Думаю, это намек, чтобы я почистила зубы.

— Такой тактичный?

Он опускается на раскладушку и с тяжелым выдохом закрывает лицо рукой.

— Спокойной ночи, Котенок.

Ха. Так просто. Если бы он заснул с самого начала, мы могли бы избежать всего этого, и у Джая было бы на одну причину меньше ненавидеть Черепа. Я выхожу из нашего укромного уголка со странной глупой улыбкой на лице. Прежде у меня никогда не было кого-то, кто действительно заботился бы обо мне. Я росла сиротой, а ощущение чьей-то заботы — это чувство, о котором ты читал, слышал и наблюдал, но никогда не испытывал. Но я верю, что только что испытала его, и оно... греет.

Мне нравится.

Глава 9

Дай мне сил

Джай

Я не новичок в убийстве.

Я убивал... чувствуя липкое тепло жизни на своей коже.

Я убийца... точно такой же, как и Череп, и не отрицаю этого. Различие только одно: он убивает ради удовольствия, а я только ради убийства его самого. Я убиваю целенаправленно, избавляя Нью-Йорк от отбросов, чтобы сделать это место более безопасным.

Я хладнокровно убил четырех мужчин только ради того, чтобы оказаться здесь. Чтобы доказать готовность завоевывать доверие Черепа и его головорезов не самым добродетельным путем. Все они были осужденными преступниками и получили возмездие, которого заслуживали. Я удостоверился в этом.

Череп знает, кто я, и из-за этого не доверяет мне. Удивительно, что он сразу не пустил пулю мне в голову, когда я появился в тоннеле. Либо он был уверен, что я дам задний ход, либо ему любопытно увидеть, являюсь ли я таким же хорошим бойцом, как и мой брат.

Дело в том, что на Черепа заведены уголовные дела в каждом полицейском управлении нашей замечательной страны. Конечно, у правительства уйдут годы на то, чтобы внести необходимые изменения в политику, законы, права, и сделать хоть что-то с теми, кто, прикрываясь бредовыми формулировками, помогает преступникам избегать наказания. Я так и не понял, каким образом дело Черепа покинуло наш отдел и ушло «наверх». Я хотел поймать Черепа. Я хотел быть тем копом, который наденет на него наручники и превратит его чертову жизнь в Ад.

Но нет.

Меня отстранили, потому что ФБР посчитало дело Черепа слишком сложным для NYPD. *(Примеч. NYPD/New-York Police Department — управление полиции Нью-Йорка, Очень. Блядь. Сложным.* Они обращаются с нами, как с детьми. Несмышленными детьми.

Я никому не доверяю в этом деле, кроме себя. Мне не нужен бумажник Черепа. Мне нужно то, что не купишь за деньги. Я хочу мести. Хочу крови. Хочу вернуть своего брата назад.

Все верно. Объективно говоря, я коп-новобранец, потому что приличный промежуток времени не исполняю своих обязанностей. Как только дело Черепа было проиграно ФБР, я ударил в челюсть детектива Луиса Баллеуна, заработав себе прекрасное временное отстранение без сохранения зарплаты. Это не сильно обеспокоило меня, потому что дало мне все свободное время мира, чтобы самому преследовать Черепа. Я знал, что мое временное отстранение сыграет мне на руку, когда решил выследить Черепа. И даже попытался сделать это законным путем, но система правосудия не оставила мне выбора. Зато, когда он сдохнет, ни один судья или присяжный не признает меня виновным.

Удивлен, что Череп не разболтал Котенку о моей профессии. Напротив, он воспользовался этим, чтобы уничтожить те нити доверия, которые мы умело соткали. Она думает, что я что-то скрываю от нее — это читается в ее глазах. Можно, конечно, рассказать

ей — я этого не стыжусь, но не могу рисковать. Если кто-то еще прознает, что я коп, то я — труп. Семьдесят процентов здешнего населения — преступники — мужчины и женщины, которые когда-то проходили через мой полицейский участок. Я могу бросить вызов Черепу, но сотне других крепких бойцов? Это равносильно самоубийству.

Интересно, как Котенок воспримет это, когда узнает. Возможно, зауважает немного больше и перестанет смотреть на меня, как на монстра... или, может быть, руководствуясь принципами морали, возненавидит, потому что я позорю саму систему правосудия, законы которой поклялся соблюдать. Действия Котенка трудно предугадать.

— Ты можешь ударить ее еще жестче? Не думаю, что у тебя получилось разбудить весь левый тоннель.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь. Позади меня груша, по которой я бил. Эмили сидит на своей раскладушке и вытягивает руки над головой, выгибая спину.

— Уже полдень, — говорю я ей, неспособный скрыть свою одышку. — Ты единственная, кто все еще дрыхнет.

— Ух, правда? — она проводит рукой по лицу и зевает. — Почему у меня такое чувство, что все еще раннее утро?

Я обхватываю свое запястье и сжимаю кулак. Должно быть, отлежал его, пока спал. Оно болит все утро.

— Это все твои биологические часы, — говорю я без эмоций в голосе. — Они противоречивы.

Ее лицо немного омрачается, послав укол вины мне в грудь. Не хочу быть мудаком, но не могу ничего поделать с этим. Я просто открываю рот, и слова сами собой вырываются. Никогда не был хорош в притворстве и фальши. Злость во мне не проходит просто так, я должен сам с этим что-то сделать. Согласен, вчера вечером я зашел слишком далеко, но в этом виноват дерьмовый виски, который плескался в моем теле. Никогда больше. Я собираюсь относиться ко всему, как к работе. Здесь нужна трезвая голова, особенно теперь, когда затронуты мои чувства. Ощущаю себя идиотом, только подумав об этом, но так и есть. Я сам подсунул Эмили прямо под нос Черепу. И мне будет трудно вытащить ее, если он будет использовать ее в своих интересах. А он будет.

Я пытаюсь размотать руки, но узел на левом запястье отказывается уступать. Эмили наблюдает за тем, как я тяну бинт, проклиная свои толстые бесполезные пальцы.

— Помощь нужна?

Я пытаюсь справиться еще минуту, прежде чем сдаюсь и киваю. Раскладушка скрипит, когда Котенок спрыгивает с нее. Невольно мой взгляд перемещается на ее голый животик. У нее красивая мягкая молочная кожа... которой я касался. Проводил губами и пробовал на вкус языком. Я жажду этих ощущений. Желаю с того момента, как увидел скрытое тенью лицо и запретные губы, с той самой ночи, когда она последовала за мной от метро. На свету она выглядела такой печальной... такой потерянной, но я упустил время для ее спасения. Проекторы были направлены на нас, и она прижималась ко мне, как маленький брошенный котенок.

Хрупкий.

Невинный.

Напуганный.

Такого не случилось со мной, пока мы не оказались здесь. Так, может быть, она не нуждалась в спасении. Может быть, она нуждалась в том, чтобы быть найденной. Ее

прежняя жизнь была жалкой, и я удивлен, как она так долго продержалась. Мне знакома статистика: такие люди, как она, ну, в общем, они недолго задерживаются в этом мире. Или она сильнее, чем я думаю.

— Думаю, ты помнишь прошлую ночь? — спрашивает она, не поднимая глаз, и тянет синий бинт, туго обмотанный вокруг моего запястья.

Даже при этом освещении я вижу румянец, появившийся на ее щеках. Помню, как сказал ей, что она приятно пахнет. Помню, она сказала мне, что Череп напал на нее своим грязным ртом. Я проглатываю гнев, обжигающий горло, и отправляю его кипеть в моем животе.

— Да.

Ее худенькие плечи опадают, и от этого я чувствую себя дерьмово.

— Послушай, мне не хочется, чтобы между нами все запуталось из-за вчерашней ночи. Я делаю все, о чем ты просил. Если это так сильно раздражает тебя, то зачем я это делаю?

— Это не имеет отношения к тебе, — мне ненавистна мысль, что из-за меня она чувствует свою вину.

Она поднимает свои светло-карие глаза.

— Череп именно такой, как ты и описывал его: грубый, безнравственный, кровожадный и абсолютно ужасный. Я не могу бороться с ним, и ты это знаешь.

Я открываю рот, но она поднимает худенький указательный палец, затыкая меня.

— Не так давно ты сказал мне, что легко попасть под чью-то власть, а я сказала, что это не сработает подобным образом.

Она с трудом сплывает. От этого я начинаю нервничать еще сильнее, что накатывает тошнота. Противный приступ начинает закручиваться у меня в животе. Я медленно киваю.

— Теперь я тебе верю...

Эмили делает паузу, оставляя меня в подвешенно-болезненном ожидании. К чему она ведет? *Кого* она имеет в виду? Я терпеливо наблюдаю, пока она притягивает мое запястье к своим губам и тянет бинт белыми зубами. Ее небольшие нежные руки накрывают мои, и она с легкостью развязывает узел. Воздух касается влажной кожи моей руки, когда она разматывает бинт.

Разбинтовав с ее помощью вторую руку, я возвращаюсь к массажу мышц своего запястья, теперь свободного от повязки.

— Череп...

Я подаюсь вперед, сердито запускаю все десять пальцев в ее волосы и обрушиваю свой рот на ее губы. Если я услышу оставшуюся часть фразы, то разнесу это гребаное место: плиту за плитой, кирпичик за кирпичиком. Не нужно быть телепатом, чтобы узнать окончание. «*Я принадлежу Черепу*».

Типа, блядь, это возможно.

Череп забрал у меня слишком многое — мою сестру, родителей, брата. Но он не заберет ее. *Не Котенка*. Это не жест великой любви и не намек на нее. Я обещал защищать. Это то, что я делаю — защищаю людей — хороших людей. Эмили хорошая от макушки головы до кончиков пальцев ног, и я не позволю Черепу погубить ее.

Впервые за все эти годы у меня случился приступ озарения. Череп не собирается впускать меня в свою банду. Я «экс-чертов-коп». Почему, блядь, я не додумался до этого раньше? Что не так со мной? Резкая боль и горечь ударяют в меня. Даже одна мысль об этом убивает, но я смогу найти брата с той стороны. Крайне тяжело пытаться осуществить

неосуществимое, но я не могу рисковать жизнью Эмили. Это несправедливо.

Мы *должны* выбираться отсюда.

По крайней мере, ее я должен вытащить.

Она отстраняется, наши взгляды встречаются. Ее светло-розовые губки гармонируют с румянцем на щеках. Я скольжу руками по ее волосам и опускаюсь к пояснице. Она отлично ощущается в моих руках. Я никогда не испытывал такого с женщиной. Ее постоянная близость все время сводит меня с ума. Страх, страсть, вся, блядь, эта ситуация разжигает меня — разжигает мои эмоции, мои желания.

А желаю я ее.

Она — «*не вписывающаяся в систему*» девушка, но теперь я не смогу избавиться от нее, даже если захочу. Она уже проникла в меня, согревая мою кровь и сводя с ума. Я теряю голову от ее аромата, кровь несется по венам с бешеной скоростью. Я хочу ее, и не желаю умирать, не попробовав еще раз.

С момента прибытия сюда она цепляется за меня, ее большие глаза блестят от страха. Независимо от того, что сделал или сказал Череп, он испугал ее.

— Я не хочу умирать, — бормочет она, моргая, чтобы сдержать слезы. — Мне нужна твоя помощь.

— Черт, Котенок, — я притягиваю ее ближе, уткнувшись носом в ее шею. — С тобой ничего не случится. Ничего, пока я здесь.

Я держу ее, пока тело в моих объятиях не становится горячим. Пока дыхание, касающееся моей кожи, не становится частым. Я обнимаю ее, а она поворачивает голову и прижимает теплые губы к изображению черепа на моей ключице. Я напрягаюсь. Татуировка еще не до конца зажила и чертовски чешется.

— Я доверяю тебе, — вздыхает она, оставляя еще один поцелуй. — Верю, что ты позаботишься обо мне.

Эмили утыкается носом мне в шею и глубоко вдыхает, словно наслаждается моим запахом и запахом моего пота. Для меня много значит то, что она сказала. Мягкими руками она скользит к моему прессу и талии, пока ее губы прижимаются к шее, а затем путешествуют вдоль моей челюсти. Напряженный стон срывается с моих губ, и она дрожит у меня в руках.

Блядский.

Ад.

В прошлый раз, когда она касалась меня так, мы были пьяны в стельку. Я много чего помню. Помню, как отлично она ощущалась, как быстро заставила меня кончить. Но не припоминаю, чтобы моя кожа покрывалась мурашками, как сейчас. Или чтобы так сильно напрягались мои мышцы с каждым прикосновением ее губ. В прошлый раз я не думал о том, что мы не одни. Возможно, мимо нас прошло человек десять, а я и понятия не имел. Но на сей раз звук каждой упавшей капельки воды эхом отдается в моей голове. Когда она снова отстраняется, я оборачиваюсь через плечо, но она прижимает ладонь к моей щеке. Эмили поворачивает меня назад, пока мы едва не соприкасаемся носами.

— Ты сказал, что уже полдень. Все будут заняты едой.

Она часто пропускает прием пищи, и ее не за что винить. Я точно не стремлюсь быть первым в очереди за черствым хлебом и жидким бульоном, но мне позволительно потерять немного массы тела. А ей — нет. Эмили худенькая, но у нее все равно есть изгибы, хотя и небольшие. В последние дни я заметил, что эти изгибы сглаживаются, а жирок исчезает. Я

хочу ее. Господь знает, насколько, но я не дикарь, руководствующийся исключительно примитивными инстинктами. Сперва я забочусь о том, что требует внимания в первую очередь.

— Тебе нужно поесть.

Она оборачивает руки вокруг моей шеи, ее глаза сверкают и словно говорят: «Еда — это не то, чего я хочу».

Эмили вплотную придвигается, прижимаясь ко мне грудью и бедрами. Одна секунда — и ее губы прижимаются к моим, и в этот момент остатки моего самообладания сгорают в огне. Она открывает рот, и я стону в него прежде, чем облизать ее язычок. Блядь, она хороша на вкус: как сахарная вата и мята. Я не любитель ни того, ни другого, но, смешавшись вместе у нее во рту, они образуют предел моих мечтаний.

Я все еще не могу привыкнуть к этой женщине. Часть меня хочет использовать ее для своей личной выгоды, и, если она хочет, чтобы я трахнул ее, прекрасно — я могу сделать это. У меня нет никаких проблем с моим членом.

Но тут есть и другая часть меня... часть, которая хочет защитить ее. И эта часть сперва удовлетворит ее эмоциональные потребности, а затем уже физические. Прямо сейчас две эти стороны ведут бой внутри меня. Когда я прижимаю ее к стене, эти стороны смешиваются во мне, и руки не знают, должны ли они ущипнуть и сжать, или погладить и приласкать. Мой язык приходит в замешательство, не зная, что делать.

И тут же у меня возникает еще один приступ гребаного озарения, после чего мой самоконтроль берет на себя бразды правления. Его появлению сейчас не рады, но это не мешает ему стучаться в лоб, требуя, чтобы его выслушали. Он просит меня прислушаться к себе изнутри.

И я прислушиваюсь.

Звук каждой падающей капли воды отчетливо воспринимается моими ушами, и чья-то беседа достаточно близка, чтобы ее расслышать. Сейчас не время и место. Я помню то, что однажды сказал мой отец: *«Женщина прекрасна. Женщина особенна. Никогда не относись к ней так, как ты не хотел бы, чтобы мужчина относился к твоей дочери»*. Он сказал мне это, когда поймал за чтением порножурнала после моего пятнадцатого дня рождения. Разговаривать о сексе было неловко. Я всегда винил в этом Джоэла. Именно он впервые дал мне журнал. Короче, как бы сильно мне ни хотелось похоронить себя глубоко в киске Эмили и вдалбливаться в нее, пока она не кончит, я не должен так поступать. Для меня она особенная. Даже не зная собственных родителей, она все еще остается чьей-то маленькой девочкой.

Однажды я уже сделал это: трахал возле этой самой стены до тех пор, пока ее ноги не подкосились. Но тогда я был пьян... и понятно, что в таком состоянии принимаю не самые лучшие решения. Когда все это закончится — либо смертью Черепа, либо нашей — я не хочу, чтобы она, оглянувшись назад, увидела во мне просто парня, трахнувшего ее у стены. Я хочу, чтобы она уважала и видела во мне парня, который сначала разрушил ее жизнь, притащив сюда, а затем спас, сделав эту жизнь еще лучше, чем прежде. Этого будет достаточно, чтобы простить меня. Если она выберется отсюда свободной и уверенной в себе, а не использованной и изнасилованной, то я буду счастлив.

Когда я замедляю поцелуй и оттягиваю зубами ее нижнюю губу, окончательно останавливаясь, пальцами Эмили впивается мне в спину. Котенок стонет и прислоняется головой к стене.

— Ух. Ты не можешь сделать этого.

Изображая невинность, я поворачиваю голову.

— Что?

— Целовать меня... — она закрывает глаза и выдыхает. Большими пальцами она цепляется за край моей майки и притягивает меня ближе. — Целовать меня так, а потом взять и остановиться. Ты не можешь.

Эмили делает небольшой шаг вправо, и моя нога оказывается между ее бедер. У нее перехватывает дыхание, она зажимает мою ногу между своими гладкими, стройными бедрами. *Черт*, да она просто горит. Ее тепло проходит сквозь крошечные черные шортики и греет мою кожу через штаны. Могу только представить, насколько она мокрая. Мой ствол твердый, яйца болят, и я уверен, что кончик члена истекает от предвкушения, но принятое мной решение сильнее.

— Джай... пожалуйста.

Не в силах сдержаться, я провожу кончиком носа вдоль ее челюсти, пока не достигаю мочки уха. Эмили дрожит, поглаживая ладонями мои руки, и слегка трется своей киской о мое бедро.

— Чего ты хочешь, Котенок?

Сдержаться и не трахнуть ее — это одно, но оставить возбужденной и жаждущей — совсем другое. По моему опыту, женщины слишком много думают. Если касаешься их слишком много, они думают, что ты используешь их. Если же касаешься слишком мало — они думают, что ты не увлечен ими. Я увлечен Эмили. Чертовски увлечен.

Я сжимаю челюсть, ощущая мучительную пульсацию в члене.

— Тебя. Я хочу тебя, — она почти умоляет.

Чееерт. Я зажмуриваюсь и вдыхаю ягодный аромат ее шампуня, пока она продолжает тереться о мое бедро. Легкий стон слетает с ее губ и посылает мурашки по коже, каскадом спускающиеся по моей спине.

Мне нужно прикоснуться к ней. Мне нужно попробовать ее.

Господи, дай мне сил вынести это, потому что я в секунде от взрыва.

Глава 10

Вселенная

Эмили

Перед глазами словно мелькают звезды. Огромные, вращающиеся в одной Галактике и готовые взорваться в любую секунду.

Когда он целует меня, Вселенная вокруг приходит в движение, и я чувствую головокружение. В момент соприкосновения наших губ пол уходит из-под ног, и мы бросаем вызов гравитации. Он так гипнотизирует, словно закручивающийся центр Млечного пути, и ошеломляет, словно Вселенная... в хорошем смысле.

Я прислоняюсь к стене, сдаваясь под натиском ощущений. Электрические разряды, которые начали проскакивать между нами мгновением раньше, сейчас уже потрескивают и искрят по всему тоннелю, возбуждая меня, словно ребенка, получившего шипучие конфеты.

В наш прошлый раз я была слишком пьяной, чтобы что-то запомнить, но в этот раз каждое ощущение, каждое прикосновение и каждая эмоция навсегда отпечатаются в моей голове.

А сейчас его рот и руки погружают меня в состояние долбаного безумства. Но он не делает никаких попыток сорвать с меня одежду, словно обложку с книги, и оказаться между моих ног. В один момент он решителен, а в следующий — равнодушен. Словно его разум борется с телом. Я знаю, он хочет этого, но сдерживается. Не представляю, как долго он сможет сопротивляться этим магнитным волнам, притягивающим нас друг к другу.

Я задыхаюсь, а он целует меня жестче, его бедро напрягается напротив моей невероятно влажной и набухшей киски, прерывая мои размышления. Толстый твердый член прижимается к моему животу, а крепкие руки скользят к моей попке. Джай снова напрягает бедро, и интенсивная дрожь проносится по моему телу, отчего ноги становятся практически ватными.

— Так нравится, да? — спрашивает он, разрывая поцелуй.

Его голос чертовски низкий и похотливый, и я киваю.

— Тебе это нужно? Тебе нужен я?

О, черт возьми.

— Да... пожалуйста. Пожалуйста.

Я кажусь жалкой. Мой голос едва слышен из-за рваного дыхания.

— Ты не сможешь получить меня, Котенок. Не сегодня.

Я открываю рот, чтобы запротестовать, но он быстро оставляет влажный поцелуй на моих губах, заставляя замолчать.

— Но я могу дать то, в чем ты нуждаешься, — шепчет он мне в рот перед тем, как отстраниться.

Кончики наших носов соприкасаются, когда он медленно и *умело* скользит рукой по моему животу, потом немного отодвигается и проникает пальцами под резинку моих шортиков. Кровь гудит в ушах, грудь вздымается в предвкушении, а я не могу отвести взгляда от его глаз. Я хочу видеть, как они потемнеют, когда он погрузит пальцы в мою киску и

почувствует, насколько я мокрая для него.

А я мокрая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Чертовски мокрая.

В нетерпении я толкаюсь бедрами навстречу кончикам его пальцев,двигающихся вдоль края моих трусиков. У меня есть лишь одна пара нижнего белья, так что в большинстве случаев я разгуливаю без трусиков. Бесит, что сегодня один из тех дней, когда мои трусики чистые и сухие. Почему я не могла надеть их завтра? Почему сегодня?

Когда кончик его указательного пальца подцепляет кромку трусиков, я напрягаюсь.

Заросли.

Как неловко. Я не люблю щеголять такими зарослями, но в последний раз у меня не было возможности побриться. А что, если ему это не понравится? В последний раз, когда он дотрагивался до меня там, я была начисто выбрита.

Он скользит чуть дальше, не дрогнув двигаясь сквозь лобковые волосы. Достигнув складочек, он стонет и откидывает голову назад.

— Иисус Христос. Ты убиваешь меня, Эм.

Кадык дергается, когда Джай с трудом сглатывает, и моя уверенность начинает возрождаться. Думаю, ему плевать, что у меня там волосы.

Мозолистым пальцем он мягко подраживает мои закрытые складочки, малейшего прикосновения его грубой кожи достаточно, чтобы мой чувствительный клитор «взорвался». К первому пальцу Джай добавляет второй и раскрывает меня, после чего двумя пальцами проделывает свой путь по самому центру. Я трепещу и дрожу, а он скользит пальцами вверх и вниз по моей набухшей киске. Его тяжелое дыхание обжигает мое лицо. Горячие волны возбуждения прокатываются по моему животу, и я сжимаю бедра каждый раз, когда кончики его пальцев касаются моего входа.

— Ты не хочешь трахнуть меня, Стоун? — спрашиваю я, мои веки тяжелеют, угрожая закрыться полностью.

Господи, я хочу, чтобы он трахнул меня.

Голой.

Хочу взять его член в рот и вылизать языком вены. Потом хочу, чтобы он трахнул меня между сисек. Хочу наблюдать, как его ствол будет скользить по моей груди. А потом он проведет пульсирующей головкой по моему животу прямо к киске и, наконец, трахнет меня.

С ухмылкой на губах он прижимает толстый палец к моему входу и позволяет ему скользнуть внутрь на одну фалангу. Это чертовски сладкая пытка. Я пытаюсь опуститься ниже на его руку, но ему удается удерживать меня на дразнящем расстоянии.

— Возьми мой член, Котенок.

Удерживая зрительный контакт, я делаю, как он сказал. Я опускаю руку вниз и беру его член. Он тверд.

Невероятно тверд.

Горячее возбуждение затопляет мой центр, и Джай ухмыляется, пока оно течет по его пальцу. Он кружит им, после чего нажимает на клитор, и мои колени подгибаются.

— Ты чувствуешь, какой я твердый?

Я киваю.

— Да.

— Я хочу трахнуть тебя. Хочу трахать тебя так сильно, как могу, весь день и всю

чертову ночь, но не могу. Не здесь.

Мое дыхание сбивается, когда оба его толстых мозолистых пальца начинают скользить во мне.

— Весь день и всю ночь, да? — я задыхаюсь и хнычу, когда его пальцы задевают нужное местечко. — Так лучше сделай это.

Джай сгибает пальцы, и я хватаюсь за его плечи с такой силой, что костяшки белеют.

— Я сделаю. Как только вытащу нас отсюда.

Я закусываю нижнюю губу и дрожу. *Погодите-ка. Что? Вытащит нас отсюда? У меня нет времени, чтобы проследить за ходом мыслей, так как живот начинает скручивать в стремлении к кульминации.*

— Кончишь для меня?

Его хриплый голос, словно верхушка айсберга моего оргазма, и, столкнувшись с ним, как Титаник, я раскалываюсь на две части. Джай прижимается ртом к моим губам, жадно вбирая стоны моего удовольствия. Я вцепляюсь пальцами в его темные колючие волосы, пока оргазм яростно разрывает меня. Невыносимый жар беспощадно пульсирует в моем центре, влажность течет по пальцам Джая, наши языки переплетены.

Достаточно скоро внутренний огонь начинает угасать, и движения моего языка замедляются до ленивых и расслабленных. Джай ловит зубами мою нижнюю губу, и я вздрагиваю, когда он покусывает и оттягивает ее, после чего дарит нежный поцелуй и отстраняется. Он вынимает из меня пальцы и убирает руки из моих шортиков. Кипящая кровь начинает остывать.

— Понравилось?

Я улыбаюсь и киваю, лениво прислоняясь к стене. Мое тело расслаблено и истощено. Я вздыхаю, закрывая глаза. *Погодите-ка!* Я резко распахиваю глаза.

— Вытащишь нас отсюда! — выпаливаю я приглушенным шепотом.

Джай выгибает бровь, поправляя свои треники и глядя на меня так, словно я сошла с ума. Это так. Но это было временно. Сейчас мой ум ясен, как белый день.

— Ты сказал: *«Как только вытащу нас отсюда»*.

Он кивает, проводя рукой по волосам.

— Сказал.

Беспорядочно лежащие волосы придают ему разрушительную сексуальную привлекательность: отдельные пряди гордо торчат, а другие прилипли ко влажному лбу.

— Ну?

Он упирается руками в стену по обе стороны от моей головы.

— Ну, что?

— Ну, ты точно не собираешься рассказать мне о своих планах? — я медленно придвигаюсь ближе, мой голос тише, чем шепот. — У тебя есть пушка, и я имею право знать, что ты собираешься делать с ней, особенно, если я включена в этот твой план «побега».

— Чем меньше знаешь, тем лучше, — просто заявляет он.

— Ты не можешь быть серьезным?

— Как только мы переживем второй раунд, я вытащу нас отсюда. Кое-кто может помочь.

Тихое звучание гонга разносится по тоннелям, сигнализируя о начале боя. Мы смотрим друг на друга, карие глаза против синих, ни один из нас не отступает.

Я не планировала говорить Джая, что Череп предложил мне выход из второго раунда,

но не могу скрывать это. Не сейчас.

Я сглатываю и отвожу свой взгляд. Признак вины. Его челюсть сжимается. Он тоже это понимает.

— Что, если у меня появился способ избежать всего этого и провести все раунды в безопасности, — говорю я.

Джай хмурится.

— О чем ты говоришь?

— Череп.

Джай ошестинивается от упоминания его имени.

— Если я выложу ему информацию о тебе, то он предоставит мне пропуск в каждом раунде... и билет на самолет в один конец, когда все закончится.

Его темные голубые глаза находят мои.

— Если согласишься ему, то ты глупее, чем я думал.

— Джай...

Я вздрагиваю, когда он бьет ладонью по бетону над моей головой.

— Нет! — рычит он, заставляя мое сердце биться о ребра. — Ты должна понимать! Думаешь, что сбежишь отсюда невредимой? Пока он жив, мы — трупы. Смекаешь?

Он прав. Я знаю это. Знаю, что мне не жить независимо от того, на кого я сделаю ставку. С другой стороны, мне не придется биться, если буду в команде Черепа... но тогда я попадаю к плохим парням, поэтому лучше умереть с чистой совестью, чем прожить грустную тяжелую жизнь, мучаясь чувством вины. Я киваю и ныряю под руку Джая. Череп, без сомнения, ожидает увидеть мое лицо в толпе. Я поворачиваюсь ко входу в наш укромный уголок. Снаружи приветствие становится громче, потому что к толпе присоединяется все больше людей. Успеваю сделать один шаг, прежде чем Джай хватает меня за локоть, вынуждая остановиться.

— Ты упоминала про билет на самолет. Куда ты планируешь двинуться?

Я оборачиваюсь, пожав плечами. Он такой красивый, когда волнуется.

— Италия.

Он тащит меня назад, и я, развернувшись, натыкаюсь на него. Его большие руки пробегаются от моих предплечий к локтям и вдоль бицепса. Сильные пальцы слегка касаются моей шеи, он берет мое лицо в свои большие теплые ладони. Каждая клеточка моего тела подпрыгивает от такого внимания.

— После моего боя будь готова. Тебе не придется скреплять сделку с Черепом. Я вытащу тебя отсюда... И увезу в Италию.

— Я не хочу твоих денег, Джай. Это неправильно.

Он обижается, его лицо напрягается, взгляд прекрасен и сердит одновременно.

— Но ты возьмешь его деньги?

Разве Робин Гуд не отбирал у богатых, чтобы отдавать бедным? Это то же самое. Череп богат, а я бедная. К тому же, Череп плохой парень. Все, что у него есть, он заработал грабежом и убийствами. У меня не возникнет никаких проблем с тем, чтобы взять у него деньги.

— Он не заслуживает этих денег, и я без всяких возражений приму их от него.

Руки Джая напрягаются на моем лице.

— Думаешь, все это за просто так? Скоро ты будешь стучать ему на меня ради новой пары обуви. Подарки, деньги... они поглотят тебя. Не давай овладеть собой так чертовски

легко, Котенок.

Так вот, что он думает? Будто ради несколько блестящих подарков я готова предать его? Я не нуждаюсь в деньгах. Украшениями и одеждой не купить мою преданность. Мою преданность зарабатывают, а не покупают.

Я высвобождаю лицо из его ладоней и легко касаюсь татуировки на своей ключице.

— Я уже принадлежу ему, Джай. У меня нет иного выбора, кроме как делать ту херню, которую он захочет.

Обжигающий пристальный взгляд Джая проникает под кожу. Он жутко сексуален, когда злится. Его лицо не отражает разочарования. Оно остается спокойным, но с оттенком агрессии. «Синдром стержовного лица», как говорят медсестры в больнице. *(Примеч. Синдром стержовного лица — выражение лица, не соответствующее душевному состоянию: нахмуренные брови, сжатые губы и общее впечатление агрессивности, мрачности или печали, хотя человек при этом спокоен или даже радостен).*

Я отворачиваюсь от Джая снова и ухожу. Мне удастся это сделать, но на выходе он окликает меня. Я оборачиваюсь через плечо.

— Когда после боя увидишься с Черепом, скажи ему, что я здесь ради брата, и не уйду без него.

Я хмурюсь.

— А что потом?

Закинув руки за голову, он стягивает футболку. Его гладкий мускулистый пресс открывается моему взору. Ручейки пота стекают по телу, спортивные штаны низко сидят на бедрах.

— Не волнуйся. У меня есть план.

Слова беспокойства оседают на моих губах. *Не волнуйся?* Почему от этих слов я автоматически начинаю волноваться? Тугие щупальца страха расплзаются в моем животе.

— Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Стоун, — бормочу я сама себе и направляюсь в главный тоннель.

Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Мои губы подрагивают, а сердце колотится в груди, стуча, как копыта у лошади на ипподроме. Запах крови, доносящийся из клетки, проникает в нос.

Ад. Вот, где я. Я нахожусь в его самых глубоких, самых темных недрах, окруженная гноящимися душами закоренелых преступников.

Все болеют за худощавого парня, покрытого татуировками в виде колючей проволоки и широкими злыми шрамами — Тень, вот как они зовут его. Я борюсь с желанием прикрыть глаза и заткнуть уши.

Демоны. Вот, что это за люди.

Я вздрагиваю, когда противник Тени впечатывается в сетку и сползает по ней на задницу с протянутой в знак капитуляции окровавленной ладонью.

— Пожалуйста! — просит он, кровь бежит из опухшего глаза, сломанного носа и

разбитого рта. — Не убивай меня.

Тень играл с ним весь бой, причиняя парню огромную боль и отказываясь завершить все одним простым ударом. Толпа любит это.

Череп любит это.

Я ненавижу это. Это отвратительно.

Беру руку Джая и тяну к себе. Он приближает свое ухо к моему рту. Пока он так близок, я вдыхаю его аромат, ласкающий мой нос... и успокаивающий.

— Как его зовут? — мне удастся выдавить из себя. — Того, кто на полу.

Он прижимается губами к моему уху.

— Стефан.

Тень бьет по протянутой руке Стефана и стремительно направляет большой кулак ему в нос. Звук хруста ломающихся костей пробегает вдоль моего позвоночника, и я начинаю дрожать.

Еще больше крови.

Тело Стефана содрогается от рыданий, а мое сердце болезненно сжимается в груди. Меня всю трясет, и я засовываю кончик большого пальца в рот, обкусывая кожу по краям, так как мои опрятные, подстриженные ногти давно в прошлом. Толпа приветствует Тень, не принимая во внимание тот факт, что одному из них предстоит бороться с ним в следующем раунде. Мне жаль того, кто поднимется против монстра, абсолютно лишённого сострадания. Играть с парнем так, как делает он... Я проглатываю рыдание и сжимаю челюсть, прижав язык к нёбу. Не буду плакать.

Кровь впитывается в бороду Стефана и капает с кончиков растрепанных волос. Он больше не молит о пощаде. Его тело смирилось с поражением. Стефан опускает голову и рыдает.

Реально. Блядь. Рыдает.

Истерично. Моля Тень о смерти.

Я смотрю вверх на выступ и вижу склонившегося Черепа, гордо смотрящего на Тень. Череп и Тень — пара, созданная на небесах. Взгляд Черепа резко перемещается от Тени ко мне, и я почти вздрагиваю от этого взгляда. Череп... я никогда не привыкну к этому.

Слеза скатывается вниз по моей щеке. Как он может наблюдать за этим? Как он может гордиться таким маньяком? Тень, вероятно, ест птенцов на завтрак и умывается слезами младенцев. Как ты можешь доверять человеку, который может забрать жизнь за деньги? Его преданность построена на деньгах, а не на уважении.

Череп проводит розовым влажным языком по нижней губе и улыбается широкой улыбкой.

Я отвожу взгляд. *Ненавижу* его.

— Что это с ней? — слышу я удивленный хриплый женский голос.

Ава. *Чудненько*.

Я смахиваю слезу, сбжавшую по щеке. Джай поворачивается боком, чтобы поговорить с Авой, и вот тогда-то я начинаю двигаться. Неожиданный, долго сдерживаемый гнев закипает в моей крови и просачивается наружу. Подвесная конструкция передо мной качается — внутри Тень совершает круг почёта в ожидании оваций, прославляющих его имя. Пока бегу, слышу, что говорят люди. Они относятся к Тени, словно к Богу. Он не Бог. Он — тварь с проблемами в управлении гневом. Поймите меня правильно. Я боюсь его, но еще больше боюсь за Стефана. Если он умрет сегодня, то он должен умереть, зная, что кто-то

волновался... кто-то пытался помочь и оплакивал его последние мгновения.

Я расталкиваю толпу со своего пути, избегая рук и лоя удары чужих локтей. Никто не замечает меня, все слишком увлечены моментом, и я в мгновение ока добираюсь до перил, отделяющих меня от клетки и дороги к смерти.

— Эмили! — кричит Джай где-то позади меня.

Я едва слышу его за овациями и скандированиями.

— Стефан! — кричу я, крепче цепляясь за перила. Они становятся теплым под моими потными ладонями. — Стефан, посмотри на меня!

Пока он поворачивает голову в моем направлении, я очень стараюсь не блевануть. Один закрытый глаз распух, а другой... моя грудь сжимается. Его склера уже больше не белая. Она красная, настолько темная, что сливается с черным зрачком. Он изо всех сил пытается дышать, изо всех сил пытается шевельнуться... но, должно быть, парализован.

— Все хорошо, — говорю я ему, искренне улыбаясь. — С тобой все будет просто замечательно.

— Просто замечательно? — выкрикивает Тень. Он откидывает голову и обнажает зубы, заливаясь злобным смехом.

Я игнорирую его, не спуская глаз со Стефана. Он наблюдает за мной, пытаюсь сосредоточиться на дыхании. Слезы из его глаз смешиваются с кровью, рисуя бледно-красные полосы на щеках. Естественно, его жизненно важные органы наполняются кровью... Еще десять минут, и у его организма наступит шок.

Тень приседает около Стефана, и я, наконец, поднимаю свой взгляд к его лицу. Стефан хнычет и закрывает глаз, когда Тень хватает его каштановые вьющиеся волосы в кулак и дергает голову назад. Я медленно поднимаю взгляд на Черепа, не осознавая до сих пор, что зал молчит.

— Ты называешь это боем? Здесь нет никакой справедливости, — кричу я Черепу.

Вздохи и шепот раздаются за моей спиной, и в этот момент я понимаю, что облажалась. Страх своими тяжелыми щупальцами охватывает мою грудь, но я не позволяю этому отразиться на моем лице. В любом случае, я — труп, и мои дни сочтены.

На хер их всех, пусть и дальше боятся, как бараны. Когда же я стала чувствовать себя такой сильной в комнате, полной опытных бойцов? Не физически, конечно. Моя сила исходит не из развитого бицепса или твердого квадрицепса. Она прибывает изнутри. В отличие от их тел, моя сила нерушима.

Неприкосновенна.

Череп смотрит на меня сверху вниз. Его челюсть дергается под чернилами. Я же смотрю на Тень. Он ухмыляется мне, а его черные глаза посылают дрожь по моему позвоночнику.

Я расправляю плечи и вздергиваю подбородок.

— А ты — слабак.

За спиной слышу еще больше вздохов.

Больше шепота.

— Слабак? — повторяет он.

Я киваю.

Тень откидывает голову и раздражается смехом. Некоторые его зубы испорчены кариесом, другие — в серебряных фиксах. Неожиданно он с рычанием бросается к клетке. Я взвизгиваю и натываюсь сзади на две сильные подхватившие меня руки.

— Что за херню ты творишь? — спрашивает Джай резким шепотом.

Он крепко прижимает меня к своему телу и оттаскивает на несколько метров. Я не свожу глаз с Тени, все сильнее смеющегося над моим испугом. Впиваюсь в него взглядом, пока он вскакивает на ноги и встает за спиной Стефана. С жуткой улыбкой во весь рот он кладет одну руку с длинными пальцами под подбородок Стефана, а другую на его макушку.

Замешкавшись, я моргаю на секунду дольше, чем должна, и когда открываю глаза, Тень смотрит на Черепа, кивающего головой.

Мое сердце разрывается от боли.

Слезы льются потоком.

Стефан изо всех сил пытается установить со мной зрительный контакт, и когда это ему удается, он дарит мне крошечную улыбку.

Затем, с громким, чудовищным хрустом шейных позвонков, он уходит.

Умирает.

И все... Стефана больше не существует.

Перед глазами все плывет, я задерживаю дыхание, опуская взгляд на землю. Слезы скапливаются на кончиках ресниц и капают на землю, словно в замедленной съемке. Комната остается тихой — или, по крайней мере, мне так кажется. Шок сковал мое тело и мозг. Уверена, что даже не почувствую, если кто-то прямо сейчас заорет мне в ухо. Но все же чувствую Джая. Его тело источает тепло, укутывая меня в защитное одеяло. Его сухие губы покрывают сочувственными поцелуями мое лицо — щеки, подбородок, губы и лоб. Эхо его голоса доносится до меня, словно звук поезда, медленно тянущегося к пустынной станции, но его слова неясны, они приглушены трагедией, которую я только что наблюдала.

Затем меня обхватывают его руки, и все чувства возвращаются, накрывая новой волной. На переднем плане шум, хриплые приветствия и крик. Все это, словно электрошок, приводит меня в сознание. Я поднимаю голову, и за доли секунды все возвращается... и все резко обостряется в мгновение ока.

Едва только крупные шершавые пальцы слегка касаются воротника моей бледно-розовой футболки, как Джай срывается вперед, и его кулак встречается с челюстью головореза. Страшного удара и крошечной капли слюны на моей руке оказывается достаточно, чтобы меня снова затрясло. Джай твердо стоит между парнем и мной, и когда тот, все еще шатаясь от шока, вправляет истекающую кровью челюсть, я узнаю его. Джим. Один из главных подручных Черепа и тот самый парень, который практически ударил меня по лицу.

Джай стоит напротив, и сомневаюсь, что Джим поперет против кого-то столь огромного, как Джай. Его широкие плечи расправлены, а кулаки сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются.

— Кончайте играть со Стоуном и схватите уже девчонку, — кричит Череп со своего выступа.

Я вовремя смотрю вверх и вижу, как он поворачивается и входит в небольшой дверной проем, и именно тогда чувствую резкую, агрессивную хватку руки, твердо сжавшейся на моем бицепсе. Джай оборачивается через плечо, и его яростные голубые глаза останавливаются на руках, хватающих меня. Он сжимает и расслабляет челюсть, а они ждут от него первого движения. Его свирепый взгляд перемещается с моих рук на лицо, и я легонько качаю головой. *Не рискуй всем ради меня. Оно этого не стоит.*

И Джай как будто читает мои мысли. Его взгляд смягчается, и уголки губ немного

приподнимаются. Когда парни Черепа толкают меня вперед, Джай опускает голову и дает им пройти. Проходя мимо Джима, замечаю, что он проводит большой, волосатой рукой по рту, вытирая капли крови. И, будто всего этого недостаточно, чтобы мой живот скрутило от страха, впереди показывается вход в небольшую темницу Черепа. Второй раз за сегодняшний вечер мое сердце колотится, врезаясь в ребра, и разливает ядовитый страх по органам. Ноги практически подгибаются, а легкие едва справляются с учащенным дыханием.

— Ты в мире боли, сучка.

— Ауч! — ворчу я.

Жар, быстрый и острый, обжигает мою скулу, когда грязный бетонный пол несется мне навстречу. Мне лишь удастся вовремя выставить руки, чтобы помешать своему лицу встретиться с цементом. Слезы стоят в глазах. Обломки и крошки камня и стекла врезаются в мои ладони и царапают обнаженные колени. Я сжимаю челюсть, отчаянно стараясь не заплакать. Череп хочет этого, но я не доставлю ему такого удовольствия.

Он низко приседает, накручивает на сильную руку мои волосы и гневно сжимает их в кулаке. Боль обжигает кожу головы, и я шиплю сквозь сжатые зубы. Череп тянет меня за волосы, откидывая голову назад и вынуждая смотреть ему в лицо. Его татуировка отвратительна.

Он сам отвратителен.

Из кармана своих темно-серых слаксов он достает и подносит к моему лицу маленький серебряный кинжал, в лезвии которого я вижу свое жалкое отражение.

— Ты заставила меня выглядеть слабаком, Котенок, а мне это не нравится.

Я провожу зубами по нижней губе, пытаюсь сделать хоть что-нибудь, чтобы отвлечь себя от пульсирующей ритмичной боли в щеке.

— Стефан не должен был умереть.

Он хмурит лоб, и «кости» на его тату смещаются.

— Кто?

Пока я открываю рот, от удара чьей-то ноги дверь распаивается и ударяется об стену. Слышу тяжелые шаги и безошибочно определяю звук чего-то безжизненного и тяжелого, волочащегося по бетону. Мое сердце практически разбивается о ребра и обливается кровью. Его тело появляется в поле моего зрения: сначала ноги, и затем уже он сам, оказавшись меньше чем в десяти метрах от меня. Остекленевшие глаза пусты, кожа кажется искусственной. Я с трудом сплываю и перевожу взгляд обратно на Черепа. Это пугает меня меньше.

Череп ухмыляется и указывает на убитого парня на полу.

— Оу, он? Он — дилер метамфетамина. Забудь об этом.

Забудь об этом. Он говорит так, словно в этом нет ничего страшного. Стефан — человек. Он, вероятно, чей-то брат, чей-то отец. Когда-то давно он был маленьким мальчишкой, который прижимался к маме, держась за ее грудь.

— Дилер или нет, но он все еще человек. Ты не имел никакого права убивать его. Если

он был таким плохим парнем, то ты должен был доверить это правосудию.

Широкая ухмылка Черепа превращается в оскал, он убирает свой блестящий нож от моего лица и приставляет к своей нижней губе.

— Правосудию? — он коротко хмыкает, накручивая мои волосы себе на пальцы и снова дергая мою голову. — Ты все еще не знаешь?

Я хмурюсь. Не знаю чего?

— Система правосудия — уловка, Китти-Кэт. Шутка, прикол, которая пугает людишек, вроде тебя.

— Я не согласна.

— Ох, правда? — он встает, потирая подбородок своей причудливо татуированной рукой, и улыбается своим головорезам. — Она — золото.

Он возвращается ко мне.

— Факт: даже люди, придерживающиеся этой так называемой системы «правосудия» — скажем, копы — не верят в нее. Требуется только один крошечный инцидент, чтобы они взяли дело в свои руки, становясь, своего рода, линчевателями, — он снова низко приседает, склоняясь к моему лицу. — Спросишь, почему? Потому что она. Не. Честная. Система правосудия. Я могу убить каждого отдельно взятого человека здесь, и любому местному руководителю, политическому деятелю, гребаному копу, судье или даже президенту Соединенных гребаных Штатов будет насрать. Хочешь знать почему?

Я сглатываю.

— Потому что каждый здесь внизу — преступник. Ну, все, кроме тебя, но меня это не парит. Никто не знает, что ты даже существуешь.

Мое горло сжимается, превратив следующие пару слов, вырвавшихся изо рта, в глухой и слабый звук.

— Почему ты встал на этот путь?

Его улыбка исчезает, закрывая настоящие зубы.

— Где ты была, когда решалось, что жизнь не драгоценна?

Все следы юмора исчезают, его черные глаза смотрят на меня. Не знаю, сколько времени мы удерживаем зрительный контакт, но, в конечном счете, он разрывает его, чтобы взглянуть через плечо.

— Выйдите, — говорит он своим подручным.

Мои мускулы напрягаются: спокойствие в его голосе обостряет все защитные механизмы в моем теле.

— Босс...

— Пошли вон! — требует он, чеканя каждое слово, чтобы они поняли. Я поднимаюсь с пола и сажусь на пятки. Пока сборище его парней удаляется из небольшой комнаты, я прикасаюсь к щеке тыльной стороной ладони. Крови нет, но, держу пари, там будет синяк.

Когда дверной замок щелкает, запирая меня наедине с дьяволом, в голове зарождается тревожное понимание.

— Есть история, которую мне нравится рассказывать... — говорит он, поднимая глаза. — О молодом парне и его красивой беременной жене, гуляющих по пустынной эспланаде. *(Примеч. Эспланада – площадка для прогулок)*. Я помню тот тихий поздний вечер, словно это было вчера...

Я внимательно слушаю. Не зная, куда ведет его история и где она закончится.

— Навстречу им идет парень в капюшоне, его руки в карманах джинсов.

Приблизившись, он кажется паре подозрительным, и они начинают наблюдать за ним, не прекращая своего пути. Оказавшись на расстоянии вытянутой руки, странный незнакомец останавливает их быстро вскинутой ладонью...

Заслушавшись, я склоняюсь к Черепу, попадая в ловушку каждого произносимого им слова. Его речь эмоциональна, наполнена гневом и печалью, каждая фраза словно окутывает. Не думала, что он способен на такие чувства.

— Не произнося ни слова, парень достает нож из своего кармана и ударяет женщину в живот, отчего она, задохнувшись от боли, падает в обморок...

Я отшатываюсь, мою грудь сдавливает от боли.

— «Зачем? Зачем ты сделал это?» — кричит парень, укачивая свою драгоценную всхлипывающую жену у своей груди, покрываясь ее кровью. Нападавший в капюшоне улыбается, вытирая лезвие, и говорит: «Чтобы увидеть, как мужик будет рыдать от дела моих рук...».

— Иисус Христос, — я зажмуриваю, задыхаясь. — Это был ты? У тебя была жена?

Он качает головой и ухмыляется.

— Я был парнем с ножом. Видишь ли, некоторые люди становятся злыми, потому что жизнь неоднократно трахает их: день за днем, год за годом. В то время как другие становятся злыми от отчаяния и страха. Но еще существуют такие люди, как я — люди, рожденные злыми, и они либо живут, либо умирают.

Все эмоции покидают меня. Быть в компании такого бессердечного, мертвого человека... это слишком. В общем, я отключаюсь, уходя туда, где он не сможет причинить мне боль. Я работала в больнице. Ежедневно видела младенцев. Их полные щечки, маленькие пальчики на ножках и сжатые кулачки... Причинить малышу боль — это такое зло, какого даже сам дьявол не сможет совершить.

— Не верю, что люди рождаются злыми. Что бы ни случилось, ты можешь быть плохим, но та женщина и ее малыш не заслужили твоего гнева. Я назвала бы тебя отвратительным куском дерьма, но это будет оскорблением для всего остального дерьма.

Мне хочется спросить его, как долго продержалась женщина, но это уже не имеет значения. Это лишь подтверждает тот факт, что ни на Земле, ни в Аду нет места, которого он заслуживает. Он наблюдает за мной, и от его пристального взгляда, скользящего по моей коже, я с каждой секундой чувствую себя все более грязной.

— Ты мне нравишься, Китти-Кэт.

Я гримасничаю от отвращения.

— А я презираю тебя.

— Это, наверное, самое сладкое из всего, что мне когда-либо говорили женщины, — он усмехается. — Какие-либо новости о Джае Стоуне?

Я повторяю то, что Джай сказал мне.

— Он здесь из-за своего брата и не уйдет без него.

Череп чешет голову острием ножа.

— Я знал про это. К сожалению, Джай Стоун зря тратит свое время.

Я складываю руки на груди.

— Зря тратит время? Джай знает, что Джоэл был здесь.

Череп кивает.

— Он был здесь. Сейчас его здесь нет.

Моя закипающая кровь бурлит, угрожая в любую секунду лишить меня самоконтроля.

— Где он теперь?

Он глупо ухмыляется, разгибая ноги и убирая нож.

— Думаю, пока я жду, когда же Джай покажет свое истинное лицо, можно сделать признание. Возможно, это подтолкнет его к «со-коп-трудничеству», так сказать.

Я хмурюсь. Не догоняю. Что-нибудь из разговора этого психопата имеет какой-либо смысл? Он сгибается пополам, приближаясь прямо к моему лицу. Тяжелый запах отличного кофе проникает мне в нос.

— Джоэл Стоун мертв, — шипит Череп сквозь стиснутые зубы. — Я сам его убил.

Нет. О, нет. Мои внутренности сплетаются в узел, завязываясь в замысловатые бантики. Ощущение удушья возникает в горле, мои плечи и голова поникают. Я не смогу сказать это Джаю. Он сорвется от одной только мысли, что его брат мертв. Эта правда... она разрушит его.

— Джай прикончит тебя, — вскипаю я.

— Посмотрим. Мне прям любопытно узнать, к чьей команде он действительно примкнет. Он был бы прекрасным дополнением к моим ребятам. Если же нет... — он постукивает по татуированному носу, и я вынуждена взглянуть на обведенный чернилами хрящик.

— Помни, что я сказал. *Линчеватель*.

Глава 11

Ложь

Джай

Не знаю, сколько раз вышагиваю по этой тупой комнатке, с тех пор, как пришел сюда. Один, два, три шага. Разворот. Один, два, три шага. Разворот. Не знаю, сколько раз волнуюсь только при мысли о ней. Я запускаю пальцы в волосы и сжимаю. Черт, Котенок. Почему ты никогда не можешь держать рот на замке? Почему тебе нужно быть такой чертовски упертой?

Песчинки устилают пол и хрустят под моей обувью — результат разорванной в клочья боксерской груши. Мои суставы горят, пальцы болят, но это ничто по сравнению с беспокойством, мучительно сжимающим мою грудь. Я должен был бороться со всеми людьми Черепа. Должен был уничтожить их. Жаль, что не сделал этого. Мне жаль, что я не помешал забрать ее. Она может быть мертва... Я прекращаю шагать. Мое сердце прекращает биться. Что, если она мертва? Я сжимаю кулаки.

Позади меня хрустят песчинки. Я расправляю плечи и оборачиваюсь. Ее глаза красные и опухшие, а лохматые волосы в диком беспорядке. Боль из моей груди выходит, словно из крошечного отверстия воздушного шарика, уступая место облегчению. Она жива. Это начало. Я отпускаю злость. Темное пятно горит на ее скуле, она замечает это и потирает его тыльной стороной пальцев.

— Выглядит хуже, чем чувствуется... — бормочет она, тон ее голоса не успокаивает меня.

Я ненавижу уже то, что оно появилось. Ненавижу то, что позволил этому произойти.

— Только ты можешь получить удар и все еще выглядеть симпатичной, — говорю я, пытаюсь глупо пошутить.

Что, черт возьми, я несу? Она начинает улыбаться, но затем улыбка тускнеет, превращаясь в сочувствующий хмурый взгляд. Я делаю шаг вперед, и ее лицо хмурится, губы дрожат в попытке не заплакать.

Я останавливаюсь.

— Эмили? Что такое?

Я обращаюсь к ней по имени. Ей нравится, когда я так делаю.

— Джай... — она медленно выдыхает через нос и убирает руку от щеки. Я пытаюсь не заикливаться на гнев внутри меня, когда вновь вижу синяк, а вместо этого уделяю внимание боли в ее глазах.

— Череп...

Все мои внутренности уходят вниз. Слезы скапливаются в уголках ее глаз и проливаются быстрее, чем я когда-либо видел, а, уж поверьте мне, у меня было большое количество плачущих женщин.

— Он убил его, — задыхаясь, говорит она.

Я нахмуриваюсь.

— Убил кого?

Эмили икает и медленно придвигается ближе с расчетливой осторожностью. Не нравится мне это.

— Я так сожалею.

Сорвавшись с места, она сокращает расстояние между нами и оборачивает свои тонкие руки вокруг моей талии, утыкаясь лицом мне в грудь, пока я таращусь в стену над ее головой. Что, черт возьми, происходит?

— Джоэл, — она рыдает, ее голос приглушен тканью моей футболки. — Череп убил его.

Невозможно. Не верю ей ни секунды. Снова и снова она говорит мне, что сожалеет, но я ничего не чувствую. Что я должен чувствовать?

Я смотрю на грязный пол в ожидании того, что мои эмоции как-то отреагируют на ее слова.

Они не реагируют.

Минута проходит за минутой, а я стою в тишине. Мои кости болят. Появляется странное давление в груди, скручивающее мои жизненные органы. Физически я чувствую все, но эмоционально ничего... потому что не верю. Мысли и планы затопляют мой мозг, но я не могу сосредоточиться ни на одном — их слишком много. Не знаю, с чего начать.

Эмили гладит мою спину, пытаюсь успокоить. Меня не нужно успокаивать. Не верю, что Череп убил Джоэла, ни на секунду.

— Думаешь, он говорит правду? — спрашиваю я, и она отстраняется, чтобы взглянуть мне в лицо.

Синяк расплывается на ее опухшей щеке, с каждой секундой становясь все темнее. Прежде чем вырвать кишки у Черепа, я заставлю его принести извинения за отметку на ее лице.

Глаза Котенка мечутся по моему лицу. На ее лице я вижу выражение... замешательства. Она оценивает меня, и, вероятно, задается вопросом, почему я не рыдаю безутешно прямо сейчас. Держу пари, она думает, что я психически ненормальный, цепляющийся за веру, что мой брат все еще жив, хотя Череп признался в его убийстве. Но она не видела его. Она не знает его. Череп и вся его компашка не в состоянии даже дотронуться до Джоэла. Готов на это поставить всю свою семью. Эмили съежилась при виде Тени, но Тень — ничто. В сравнении с моим братом он будет выглядеть сучкой.

— Я думаю, что он сумасшедший, — шмыгает она носом.

— Я не об этом спрашивал.

Она кивает, и ее глаза полны сочувствия. Ненавижу сочувствие. Эта эмоция свойственна людям, уверенным в твоей неспособности самостоятельно справиться с ситуацией. К черту сочувствие.

— Да. Думаю, он говорит правду.

— Хорошо.

Ее темно-коричневые брови, теперь уже более широкие, чем были при нашей первой встрече, хмурятся, и она отступает еще дальше.

— Что?

Ее розовые губки складываются в тонкую линию, и я оставляю быстрый сухой поцелуй на них.

— Ладненько, — говорю я. — Теперь я могу показать тебе, почему никогда не стоит верить на слово.

— Верить на слово? — я протискиваюсь мимо нее, и она издает небольшой

разочарованный звук. — Джай!

Я игнорирую ее и вылетаю из комнатки в поисках Маркуса. К счастью, Эмили не следует за мной.

Пока иду, стараюсь не позволять расстроенным чувствам взять контроль над моим телом. Я потратил здесь почти две недели впустую, думая, что столкнусь с Джоэлом или возьму его след. Наверняка кто-то работающий на Черепа знает, где его найти. Я ничего не слышал... даже шепотка. Вот уже две проведенных впустую недели, которые мог бы потратить на поиски брата наверху. Я обрыскал все подземные схемы, опустил до их уровня и смешался с преступниками. Я не раз слышал его имя. Это хороший и плохой знак. Хороший, потому что означает, что он жив. А плохой, потому что совершенно не подтверждает, что он жив.

Если Джоэл жив, я убью Черепа быстро, но если слова Эмили окажутся правдой и Череп убил его, то смерть Черепа будет мучительной. Я буду терзать его долгими неделями — месяцами — пока он не начнет умолять меня об избавлении от страданий. После чего я буду пытаться его еще больше. Пока не останусь доволен.

Возможно, ему стоит помолиться, чтобы моя жажда крови остыла к тому времени, потому что прямо сейчас я ненасытен.

Я нахожу Маркуса в баре, принимающего наличку и записывающего ставки. Мой бой следующий, и я надеюсь, что ради дочери он правильно распорядится своей ставкой. Не имеет значения, кто мой противник. Я всегда побеждаю.

Маркус меньше, чем эти три гиганта, с которыми он разговаривает, но он подземный ветеран, и это внушает большое уважение. И, несомненно, бойцы оказывают ему.

Он сжимает горсть купюр, заталкивая в задний карман рваных джинсов, а затем строчит что-то в своем блокнотике, переворачивает страницу и захлопывает его.

— Стоун, — засовывая черную ручку за ухо, он приветствует меня, пока я приближаюсь. — Мы только что говорили о тебе.

Я быстро смотрю на этих трех парней по другую от Маркуса сторону стола, но не задерживаю взгляд настолько, чтобы запомнить их большие тела и обычные лица. Зачем мне? Я не собираюсь видеть их снова. Я свалю отсюда после своего боя, и мне нужен Маркус и его помощь.

— Надеюсь, ставишь свои деньги на правильного парня? — говорю я, подходя к столу, засунув руки в карманы.

Маркус улыбается.

— Всегда. Хотя не могу сказать того же самого про этих троих.

Я обращаю свое внимание на них, не в силах скрыть ироничной ухмылки. Им не больше двадцати одного года.

— Ставите против меня, мальчики?

Глупая ошибка. Самый высокий брат, а я думаю, что они братья, наклоняется вперед, ставя локти на стол.

— Ты знаешь своего противника?

Я качаю головой, и они смеются, обнажая идеально белые зубы, которые почти ослепляют на фоне их гладкой черной кожи.

Думаю, я что-то упускаю.

— Фрайт (*Примеч. с англ. означает грузовой поезд*) не идет ни в какое сравнение с Джаем Стоуном, Каан, — встречает Маркус.

Я хмыкаю. Оу, Фрайт так же известен, как Кэмерон Майклс. Он не слишком плохой парень, во всяком случае, не в такой степени, как большинство преступников здесь. В участке мы прозвали его «Халком». Он известен тем, что теряет связь с реальностью и наносит большие повреждения как общественной, так и частной собственности. Раз в месяц он появлялся в участке, объясняясь, почему швырнул стул в ветровое стекло машины своего соседа или почему выхватил трость у пожилой леди и затем избил ею же мужика.

Фрайт огромен, но чего недостает ему, так это интеллектуальной мощи, а, как говорится, «чем больше шкаф, тем громче он падает».

Каан ухмыляется и всматривается в мои глаза, пока подносит банку к губам и заливает в горло какой-то алкоголь. Он уверен, и хотя бы за это я восхищаюсь им.

— Посмотрим. Они не зря называют его Фрайт.

Знакомое покалывание от вызова щекочет кончики моих пальцев. Мне не нравится, как они улыбаются мне, словно я не из их лиги.

Судя по моим наблюдениям, здесь существуют три вида бойцов. Первая группа подтянула борьбу на «отлично» в свои двадцать, некоторые даже в тридцать, но все еще являются любителями, когда дело доходит до искусства смешанных единоборств. Вторая группа — бунтари с улицы, самоучки. А третья группа — бойцы, как и я, тренировавшие свои задницы с того момента, как научились ходить. Я тренировался и осваивал каждый вид боевых искусств, о котором мог только узнать. Мой мозг работает не так, как у всех остальных. В то время, когда мой противник планирует свое следующее движение, я уже просчитал все необходимые шаги, чтобы выиграть бой. И я всегда побеждаю — не потому, что я крупнее или сильнее. Я побеждаю, потому что умнее.

Именно Джоэл научил меня бороться умом, а не силой.

Моя ухмылка остается неизменной, когда я продолжаю разговор с Кааном.

— И почему они называют его Фрайтом? Ты знаешь?

Парень слева от него смущенно отводит взгляд, когда Каан щурит на меня глаза и качает головой. Естественно, не знаешь.

— Как тебе такая версия: его прозвали Фрайтом, потому что он вырвал дверь грузового контейнера, чтобы спасти выводок брошенных щенят.

Они одаривают меня «взглядом». Недоверчивое хмурое выражение: глаза сощурены, а губы сжаты. Выражение, появляющееся у всех, кто слышат происхождение прозвища Фрайта, так же известного, как Кэмерон.

— Звучит ужасающе, знаю. Уже трясусь от страха, — я дергаю головой. — Съебались отсюда нахрен, пока Маркус и я говорим о делах.

Они смотрят, не понимая, повиноваться или послушаться. Я не свожу глаз с Каана. Это тупое соперничество, а мне не до этого сейчас.

— Я бы на вашем месте послушался парня, — заявляет Маркус, поставив свои локти на стол. — Он непредсказуем.

С осторожностью, но все еще пытаюсь сохранить свою гордость и силу, они медленно

встают из-за стола и исчезают из виду. Я смотрю им вслед, потерявшись в мыслях, как бы выбить дерьмо из этой троицы, пока Маркус не хлопает меня по плечу.

— Не волнуйся, — говорит Маркус. Вытаскивает ручку из-за уха и вертит ею. — Завтра когда сойдешься с Фрайтом, ты им докажешь.

Я откашливаюсь и достаю из кармана пачку налички. Маркус принимает ставки у всех остальных, а я же — просто парень, которому нравится играть на деньги. Я облакачиваюсь на стол и бегло просматриваю купюры, будто пересчитываю.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Он напрягается, тут же понимая, что это заказ, а не просьба.

— Что на этот раз, Джай? — спрашивает он резким шепотом. — Я не достану для тебя другую пушку. И в первый раз было достаточно рискованно. У меня есть ребенок...

— Ты замолчишь и дашь мне объяснить? — я отдаю ему немного наличных, две штуки, если быть точным, и продолжаю дальше пересчитывать. — Ворота, где мы встречались в последний раз, ну, знаешь, южные ворота?

Маркус кивает.

— Мне нужно, чтобы ты оставил их открытыми.

Он бледнеет и бросает деньги, которые я дал ему, словно заболел неизлечимой болезнью, если будет держать их слишком долго.

— О, черт возьми, нет. Я не сделаю этого. Ты сам по себе.

Маркус пытается отойти от стола, но я ловлю его за ворот серой футболки и дергаю назад. Обнимаю рукой его плечи и прижимаю к столу, достаточно близко, чтобы он учуял запах денег, которые обронил. Я не хотел делать этого — шантажировать его болезнью дочери — но он не оставил мне выбора.

— Послушай, Маркус. Ты же не хочешь, чтобы фонд против рака твоей дочери иссяк сейчас, не так ли?

Под моей рукой его плечи напрягаются.

— Джай, пожалуйста.

Я не останавливаюсь.

— Ты не хочешь вернуться к работе на Рула, не так ли?

Рул — скользкий ублюдок, продающий низкосортную травку ученикам средней школы на Манхэттене. Давным-давно Маркус помогал ему торговать этим дерьмом, чтобы сводить концы с концами и добиться лечения своей дочери. Как нередко это случается, он пошел самым легким путем.

Его плечи опадают, и он качает головой. От этого я чувствую себя мудаком.

— Слушай, Маркус, если поможешь мне, я удостоверюсь, что тебе и твоей семье не придется волноваться о деньгах снова. Я дам тебе достаточно денег, чтобы твоя дочь лечилась дома — у нее будет личная медсестра и все такое.

Он обдумывает это, но я уже знаю — это слишком хорошо, чтобы отказываться.

— Я — единственный, кто работает на воротах, Стоун. Череп прикончит меня.

— Нет, не прикончит. Я выстрелю в замок, чтобы все выглядело так, будто я прострелил себе выход.

Он смотрит на меня скептически.

— Почему ты не можешь сделать это без меня?

— Потому что не могу рисковать. Что, если потребуется больше, чем одна пуля? Я получил только одну обойму. Если я собираюсь уехать из города, то мне дорога каждая пуля,

которую могу заполучить, — я облизываю сухие губы. — Маркус, я должен знать, что завтра после моего боя южные ворота будут не заперты.

Он смотрит на деньги на столе — лишь четверть того, что я собираюсь дать ему.

— Сколько?

— Восемь шгук, — отвечаю я без колебаний.

— Ты действительно сильно хочешь выбраться отсюда.

Я киваю.

— Мне нужно найти своего брата.

С тяжелым вздохом Маркус, наконец-таки, кивает.

— Ладно. Я сделаю это для тебя.

Я улыбаюсь и отдаю ему остальную часть денег.

— Спасибо. Напиши мое имя в конце твоего блокнотика на случай, если Череп сунет свой нос, куда не следует.

— Договорились.

Я отпускаю Маркуса, разворачиваюсь и ухожу.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — кричит он мне в след. — Я надеюсь, ты сделал правильный выбор.

Я сделал то, что хотел, и нет пути назад. Теперь все, что я должен сделать — спасти свой зад завтра и ждать осуществления своего плана. Когда мы делаем выбор, то приводим в движение события, которые нельзя изменить или отменить. Последствия от сделанного выбора неизбежны. Мы должны столкнуться с ними. С каждым нашим принятым решением мы рискуем; мы формируем наше будущее, и каждое решение оказывает положительное или отрицательное влияние на наши жизни. *«Каждый твой выбор имеет значение»*, — так раньше говорила моя мама. — *«Даже если ты просто решаешь, что приготовить на ужин. Никогда не относись ко всему легко, потому что это решение, будь оно хорошее или плохое, затронет тебя и сейчас, и завтра»*.

Череп легко принимает решения. Лжет ли он или говорит правду об убийстве Джоэла, он сделал свой выбор, и за последствия его решения я не ручаюсь. Я сам выясню, сказал ли он правду о Джоэле. Мертв он или нет, я хочу голову Черепа.

И я получу ее.

Глава 12

Фрайт

Эмили

Металл пистолета прижимается к моей спине. Не могу поверить, что Джай дал мне спрятать его под своей футболкой. До этого я никогда не держала оружия, и это пугает. Разве оно не может выстрелить случайно? Я прекращаю нервно трястись, молясь случайно не прострелить дырку в своей заднице.

Пока толпа и я ожидаем выхода бойцов, закрываю глаза и концентрируюсь на замедлении дыхания. Горячий, застоявшийся воздух обжигает мои легкие, разъедая ткани, словно ядохимикат.

Джай все еще не посвятил меня в свой план, но если все пройдет гладко, то мои легкие снова смогут наполниться свежим воздухом, и я хочу этого больше всего на свете. Должно быть, курильщики чувствуют себя именно так — словно сжатыми изнутри, не в состоянии вдохнуть полной грудью. И они делают это по своей воле?

Я открываю глаза, когда толпа, смыкающаяся вокруг меня, ликует. Я прямо как в клетке, мой живот прижимается к перилам, когда Череп выходит на свой выступ надо мной. Сожаление, вина и беспокойство тяжестью оседают во мне и вызывают ощущение слабости. Если вдруг кто-то сильно прижметя ко мне, то сможет почувствовать пушку. К счастью, Джай заставил меня надеть одну из его футболок. Она мне большая, и ткань лучше скрывает пистолет.

Я наблюдаю за Черепом, пока его глаза сканируют толпу. Он ищет меня. Он всегда ищет меня и, в конечном счете, находит. Скромная улыбочка, которую он дарит мне, когда наши взгляды встречаются, посылает холодок по моему позвоночнику. Ненавижу тебя — заявляю я свирепым взглядом, заработав довольную ухмылку в ответ. Интересно, как пройдет сегодняшний вечер, если я достану пушку и выстрелю ему в голову прямо сейчас? Я оказала бы миру услугу, вне всяких сомнений... но лишила бы Джая возможности отомстить. Он упорно шел к этому... из-за этого он временно отстранен от работы. Я знаю, что он коп. Я выяснила это, как только покинула комнату Черепа вчера, и до сих пор не решила, как отношусь к этому. У меня нет никакого права злиться. Джай и я практически незнакомцы друг для друга до сих пор. Думаю, что чувствую себя просто разочарованной... разочарованной оттого, что он не может доверять системе, которой служит. Но его семья значит для него все. Теперь мне понятно, что семья — это то, за что ты готов умереть... и я надеюсь однажды испытать такую степень любви.

Череп морщит губы, и я качаю головой, заставляя его засмеяться. Надеюсь, что сегодняшний вечер — это последний раз, когда я вижу его ужасное лицо.

Я опускаю глаза, когда еще одна волна аплодисментов прокатывается по тоннелям, посылая пульсирующую боль в мою голову. Входят бойцы. Сначала мужчина, которого они называют Фрайт, и, Боже мой, его имя соответствует ему. Он не такой высокий, как предыдущий парень, который дрался с Джаем, но очень широк, если не сказать больше. Его плечи — массивные и крупные, мускулистые руки — накачанные и плотные, а ноги —

крепкие и сильные. Его даже можно было бы назвать красивым, если бы он не усмехался так презрительно и часто. Темные волосы Фрайта коротко подстрижены и торчат небрежным ежиком. Густые брови, припухшие полные губы, словно кто-то целовал их всего пару минут назад.

Я провожу пальцами вдоль ключицы, практически сжимаю грудь от ужаса, когда цепи клетки напрягаются под его весом. Я хочу закрыть глаза, но не могу заставить себя сделать это. Когда натянутые цепи трутся о металлические балки, удерживающие клетку над открытой пастью тоннеля, хлопья ржавчины крошатся и падают на меня. Я пробую их кончиком языка и глотаю. Надеюсь, это последний раз, когда я пробую на вкус ржавчину и вдыхаю запах крови в окружении трущихся об меня потных людей.

Фрайт подпрыгивает, и еще больше ржавчины осыпается. Это повторяется снова и снова, пока он скачет в клетке, поддерживая свои мышцы разогретыми.

Затем толпа снова гудит, и я смотрю в левую часть комнаты, откуда выходит Джай. Я не видела его несколько часов. Теперь он здесь. Через плечо парня, стоящего передо мной, я вижу его колючие волосы и блестящий лоб. Он поднимает руки, через голову стягивает свою зеленую футболку и бросает ее на пол. Он обнажается сантиметр за сантиметром, пока все его тело не предстает передо мной. Освещение вместе с его потом делают удивительные вещи с очертаниями его тела. Тени от его мышц слегка выделяют самые видные части, и я... ну, ладно, у меня нет слов.

Джай

Клетка. Мое сердце бьется о грудную клетку так сильно, что может оставить синяки. Руки по бокам — сжимаются в кулаки, разжимаются, а затем сжимаются снова. Обычно я не чувствую себя таким чертовски измученным перед боем, но сегодня все по-другому. Сегодня на кон поставлено все.

Вхожу в клетку, и дверь позади меня с лязгом закрывается. Разминаю шею, пока она не начинает хрустеть. Ненавижу незаконные бои. В этом нет никакой славы. Одна лишь боль. Нет рефери. Не существует раундов, и никто не соблюдает правила. Ты бьешься и побеждаешь. Либо вылетаешь. Худший вариант развития событий? Ты падаешь и уже не можешь подняться.

Я быстро уклоняюсь вправо и чувствую поток ветра, обдающий мою щеку, когда кулак Фрайта проносится мимо. Какого хрена? Я упустил сигнал начала боя?

Я уворачиваюсь, заметив другой кулак, летящий мне в лицо. Ладно, похер на сигнал. Если он хочет играть так — чудненько.

Я позволяю ему махать как сумасшедшему, пока уклоняюсь и увиливаю, пытаюсь оценить его силу.

Влево.

Вправо.

Вниз.

Влево.

Вправо.

Вниз.

Сплюнуть и повторить. Слишком легко. Я обнаружил твою слабость, мудака. Шаблоны. Фрайт работает по образцу. Так ему наиболее удобно. Он, вероятно, даже не понимает этого.

Шаблоны хороши, когда тренируешься, но, когда ты дерешься в реальном бою, это может стать причиной поражения.

Он продолжает размахивать кулаками, осыпая меня градом ударов. Я блокирую их, насколько возможно игнорируя боль, распространяющуюся по моим предплечьям. Мне нужно держаться, пока его ритм не собьется. Как только он начнет сдавать, отвлечется хоть на долю секунды, я выиграю.

Несколько минут спустя Фрайт уже тяжело дышит, а я еще даже не начинал. Когда он меняет свою тактику, пытаюсь небрежно ударить меня в колено, я бью. Резко отклоняюсь в сторону, затем уворачиваюсь от неудачной попытки ударить меня по ребрам. Не могу сдержать ухмылку, когда он рычит от досады и замахивается мне в лицо. Я всегда говорю: «Нет ничего проще, чем бой со злым противником». Он снова скалится, когда я уворачиваюсь. Низко приседаю и сжимаю руку в кулак. Дергаюсь вверх с рыком, точно рассчитывая место нанесения удара. Забавно, но я еще не нанес удар, а мой мозг сам решил, что его горло — идеальное место для этого. Ну, в общем, туда я и ударил. Без перчаток мои кулаки сводит от удара по его горлу. Крича от боли, Фрайт дергается вперед, его огромное тело придавливает меня своим весом, и мы валимся на брезент.

Не ожидал этого.

Я приземляюсь на спину и быстро оборачиваю ноги вокруг его талии. Фрайт, конечно, крупный мужик, но есть большая разница между «большой» и «сильный», и здесь, определенно, присутствует недостаток в силе, что удивительно для мужика его-то размеров.

Я зажимаю его между ног и разворачиваю свое тело. Как-то мне удастся перевернуть нас, пока он держится руками за свое горло. Без пощады я обрушиваю поток тяжелых сильных ударов на его голову и лицо. У крови не займет много времени, чтобы окрасить мои костяшки и его быстро распухающую кожу. Он поднимает руки в жалкой попытке защитить свое лицо, и я позволяю ему это, пока немного откатываюсь назад, направляя кулаки на его незащищенные ребра.

Я не должен сильно калечить его, показывая все свои возможности, но за боем наблюдает Череп, и я хочу продемонстрировать ему, насколько опасен.

Пот бежит по спине, и знакомое чувство, всегда возникающее в разгар боя, начинает нарастать в моей груди. Это плотная темнота, наполняющая меня яростью и гневом. Словно черная дыра, она поглощает меня и не позволяет просочиться хоть малой полоске света. Прилагая усилие, я заставляю себя спокойно дышать через нос и пытаюсь еще ненадолго отогнать темноту.

И именно тогда понимаю, что Фрайт не двигается. Я прекращаю его бить, моя грудь сильно вздымается. Визги и скандирования громом отдаются в моих ушах, и я перевожу взгляд с лица противника на толпу.

Тьма рассеивается.

Я сделал это. Я выиграл этот бой. Настал черед фазы номер два.

Как я ожидал и планировал, три парня Черепа выбегают, словно тараканы из своего небольшого укрытия, и несутся к клетке. Я встаю, когда они открывают ее и подходят ко мне.

— Тебя хочет видеть Череп, — говорит один из них. Не знаю, кто.

Я киваю, ступая с шаткого брезента на твердую землю.

— Знаю.

Дотягиваюсь до футболки, чтобы одеться. Натянув ее через голову, я замираю. Один из

головорезов Черепа приближается вместе с Эмили, зажатой под его рукой. Мое сердце прекращает биться, легкие замерзают, а желудок падает вниз.

Дерьмо. Блядь.

Я знал, что Череп захочет увидеть меня после боя, особенно после того, как Эмили сказала ему, что я ищу Джоэла. Но я совершенно не ожидал, что Эмили тоже будет присутствовать. Именно поэтому спрятал пушку у нее.

План состоял в том, чтобы выйти отсюда без осложнений. Но, как всегда, дерьмо просто усложняется.

Я протягиваю руку и хватаю запястье Эмили, притягивая ее к себе подальше от человека Черепа. Ее маленькое тело дрожит возле моего.

— Я возьму ее, — говорю я ему, и он поднимает свои ладони.

— Хорошо. Ты возьмешь ее.

Я удерживаю ее рядом, но так, чтобы не натягивалась футболка, демонстрируя контуры оружия. Пока мы идем, она смотрит на меня испуганными глазами. Ее страх ударяет меня прямо в грудь и сбивает дыхание. *Ты будешь в порядке. С тобой ничего не случится. Я не позволю.* Эти слова застревают в горле, поэтому все, что я могу сделать — это утешительно улыбнуться и притвориться, что это — всего лишь часть плана.

И по печали, отразившейся в ее глазах, я понимаю, что она обо всем догадалась.

Черные, похожие на бусинки, глаза Черепа настороженно осматривают нас, когда Эмили наполовину прячется за мной. Ненавижу находиться в его присутствии. Моя челюсть сжимается до боли в зубах.

— Ну, разве вы двое не выглядите милыми?

Он улыбается, но я вижу горечь в его глазах и слышу ревность в голосе. Череп не в своем уме, если думает, что действительно владеет Эмили. Отбросив в сторону его деньги и власть, чем такой, как он, может привлечь женщину?

Он закидывает ногу на ногу и проводит острым ножом по губе. Пятеро его людей «украшают» комнату, терпеливо ожидая вдоль стен. У всех пистолеты... и, держу пари, ножи тоже. Блядь. Нужно, чтобы все прошло гладко — я недостаточно вооружен, чтобы одолеть их всех.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я, нетерпеливо проводя ладонями по бокам.

— Ооу. Враждебность, — он усмехается. — Чего и следовало ожидать. Я действительно сожалею о твоём брате. Правда.

Не надо об этом. Только, блядь, не об этом.

Я усмехаюсь.

— Нет, не сожалеешь.

Он откидывается на своем небольшом деревянном стуле, постукивая ножом по столу. Тук. Тук. Тук. Тук.

— Ты уличил меня. Совсем не жалею.

— Тогда зачем бросаешь слова на ветер? — вмешивается Котенок.

Ее страх слышен в дрожащем голосе. Я действительно хочу, чтобы она не привлекала к себе внимание. Череп изображает шок, его татуированные губы идеально складываются в букву «О».

— Она говорит... — он кладет свой нож на стол и протягивает руки. — Почему бы тебе не присесть, Китти-Кэт?

Приступ злости накатывает на меня от этой ужасной клички, но мне удается кое-как приглушить этот яростный зуд. Совсем немного.

Когда она не двигается, он проводит ладонями по слаксам цвета красного дерева и гладит свои бедра. *«Еще несколько минут»*, — говорю я сам себе. — *«Сдержи свое желание прикончить его еще на несколько минут»*.

Эмили мягко сжимает мою руку и выходит из-за меня. Все, что я могу слышать — шум в ушах и единственное подходящее случаю слово, эхом повторяющееся в моей голове.

Дерьмо.

Дерьмо.

Дерьмо.

Как только Череп обнаружит оружие, которое спрятано у нее — она мертва. О чем я думал? Она успевает сделать только шаг от меня, когда я хватаю ее лицо одной рукой и оставляю жесткий поцелуй на ее губах. Пока одной рукой я удерживаю ее лицо, второй проскальзываю под футболку и хватаюсь за пистолет.

Все ее тело напрягается, а я успокаивающе поглаживаю по щеке большим пальцем, пока вытаскиваю пистолет из-за пояса ее шорт и прячу себе за спину. Слава Господу, ни один из людей Черепа не стоит за нами.

Я прерываю поцелуй и слегка подталкиваю ее в направлении Черепа. Широко открыв глаза, она оглядывается на меня через плечо, и я киваю головой. Пытаюсь убедить себя, что все будет нормально, независимо от того, что скажет или сделает Череп. Через несколько минут все это не будет иметь значения.

Глаза всех присутствующих направлены на Эмили, пока я засовываю оружие себе за пояс и прикрываю футболкой. Мгновенно становится легче дышать.

Я сдержан и спокоен, когда Котенок подходит к Черепу и поворачивается, усаживаясь к нему на колени. Но когда он, самодовольно глядя на меня своими черными глазами, касается голой кожи ее бедер, я просто схожу с ума.

Сдерживаясь, с трудом делаю вдох через нос и задерживаю воздух, потом медленно выдыхаю. Спокойствие. Спокойствие — это хорошо. Я игнорирую свои сжимающиеся кулаки, побуждающие меня треснуть по чему-нибудь.

— Есть проблемы? — спрашивает Череп, его улыбка такая широкая, что делит его лицо пополам.

С трудом сглатываю, ощущая резь в горле. Я едва могу говорить, едва могу дышать.

— Нет, — мой голос низкий и окрашен гневом. — Нет никаких проблем.

Я вжимаю голые пальцы ног в бетон, удерживая себя на месте. Его рука, покрытая татуировками костей, скользит по всей длине ее волос, похлопывая так, словно она животное. Я скриплю зубами. Он заплатит за такое унижение. Я позабочусь об этом.

— Твой брат выиграл место в моей команде. Знаешь об этом?

Я киваю. Конечно, он выиграл. Я не сомневался в этом ни секунды.

— Он был безупречным бойцом. Лучшим из всех, кого я видел.

Я снова киваю.

Он хватает Эмили за плечи и прижимает ее к своей груди. Она вынуждена облокотиться на него, и в этом положении обнажается небольшая полоска кожи чуть выше кнопки ее шорт. Котенок фокусирует взгляд на потолке и хмурится, показывая, насколько ей неприятно.

— Он убивал для меня. Я говорю про жестокие, хладнокровные убийства.

Эмили смотрит на меня. Ее глаза круглые от шока.

— Я знаю, какие преступления он мог совершить, работая на тебя.

Череп опускает руки по ребрам Котенка, и кончиками пальцев начинает поглаживать ее теплую обнаженную кожу, вызывая у нее дрожь. Сотни разъяренных ос поднимаются в моем животе и быстро проносятся сквозь мою грудь. Пистолет прожигает мне спину, умоляя использовать его.

— И как вы к этому относитесь, офицер Стоун?

Яжимаю плечами.

— Я временно отстранен. Мне плевать на то, что он, ты или кто-нибудь еще делаете. Это не мое дело.

— Ты не под прикрытием?

Я качаю головой.

— Я просто ищу своего брата. Скажи мне, где он, и я пойду своей дорогой.

— Я же сказал Эмили...

— Я знаю, что ты ей сказал, но не верю тебе.

Он приподнимает бровь, его губы все еще изогнуты в самодовольной ухмылке. Независимо от того, что произошло с Джоэлом, он что-то скрывает.

— Тебе придется. Он предал меня, а я неодобрительно отношусь к таким вещам.

Я стискиваю зубы, затем расслабляюсь.

— Точно.

Он поворачивает голову, обводя указательным пальцем одну из кнопок на шортах Эмили.

— Точно?

— Мы оба знаем: ты не из тех парней, которые быстро решают дела с предательством посредством пули в голову. Нет. Ты больше походишь на...

Тело Эмили напрягается, когда он засовывает кончик указательного пальца под кромку ее шорт. Я смотрю на то, что он делает, после чего перевожу свой пристальный взгляд снова на него.

— ...мучителя.

Вторым пальцем Череп гладит ее кожу чуть ниже бедер. Если он пойдет дальше, то я использую оружие и отстрелю ему пальцы.

— Хочешь узнать, как он предал меня? — спрашивает Череп, и я качаю головой.

— Он влюбился в мою женщину. Я убил его у нее на глазах, и сделал так, чтобы она вспоминала об этом всякий раз, когда посмотрит мне в лицо.

— Зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю я.

— Потому что твой брат должен мне женщину, — его язык выскальзывает между губ и облизывает ушко Эмили, заставляя ее задрожать. — Твоей будет достаточно.

Он опускает руку между ее ног, и она, задыхаясь, дергается вперед. Большого я не смогу выдержать. Выхватываю пушку и — БАМ! БАМ! БАМ! БАМ! БАМ! — Эмили вскрикивает. Головорезы, которые окружали Черепа, валятся на пол. Я направляю пистолет прямо на

него, целясь ему между глаз. В мой план не входило тратить пули впустую. Пять уже потрачено, осталось только две. Череп достает руку из шорт Эмили и показывает мне ладони.

— Я здесь не для того, чтобы оплачивать долги своего брата, Череп, — для ясности направляю оружие на его голень. — Теперь ты скажешь мне, где он, или мне нужно прострелить тебе ногу?

Он прищуривается. Его не пугает пистолет. Спорю, что ему сотню раз тыкали им в лицо.

— У тебя есть тридцать секунд до того, как здесь появятся другие мои парни. Лучше пусти мне пулю в голову, иначе я заставлю тебя пожалеть.

Мой палец дергается на спусковом крючке. Я хочу. Чертовски сильно хочу этого... но тогда мне никогда не найти Джоэла.

— Двадцать семь, — предупреждает он меня.

— Иди сюда, Котенок, — кричу я, протягивая руку.

Она соскальзывает с его колен и бежит ко мне. Ее дыхание учащенное, она на грани паники.

— Открой дверь.

Кивнув, она открывает дверь, и мы выходим. Большая часть толпы рассеялась. Оставшиеся останавливаются, в шоке наблюдая за нами. Я хватаю Эмили за руку и бегу, таща ее за собой.

Люди тарашатся на нас, когда мы пробегаем мимо, и через мгновение дверь позади нас распахивается.

— Не стойте просто так!!! Прикончите их! — кричит Череп, его голос дрожит от гнева. — Сто шук тому, кто принесет мне блядскую голову этой свиньи!

Тридцать порочных, голодных до денег бойцов начинают гнаться за нами. Они быстры, но мы уже впереди. Бетонные стены позади нас словно в тумане. Тусклые огни над нашими головами быстро мигают, и вскоре мы попадаем в душевую зону.

— Не очень-то буду скучать по этому местечку, — пыхтит Эмили, и я в изнеможении хихикаю.

К счастью, мы недалеко от ворот, и я, черт возьми, молюсь, чтобы Маркус выполнил часть своей сделки. Если нет, то мы трупы.

Конечно же, ворота открыты, цепь и замок кучей валяются на полу. Я тону в волнах облегчения, словно в реке, вышедшей из берегов.

Стреляю в решетку, оторвав металлическую пластину, которая обычно удерживает замок.

— Беги! — кричу я, проталкивая Эмили перед собой. Она ныряет в ворота, и следом несусь я, закрывая их за нами. Вижу, что первая линия бойцов вырывается на свободу из тоннеля, следуя прямо за нами. Нервы сдавливают мое горло словно тисками, руки трясутся, пока я хватаю цепь и накручиваю ее на решетку. Тут же появляется Эмили с замком. Наши пальцы дрожат, пока мы отчаянно пытаемся повесить чертов замок на место.

— Давай же, — я кричу на нее, а она ругается себе под нос.

— Черт! — выкрикивает Котенок, падая назад на локти, когда толпа врывается в ворота, отбрасывая нас назад. Я отскакиваю, мое сердце ударяется о ребра, а взгляд прикован к замку. Наши преследователи трясут ворота, и, хотя их скрежет разносится эхом по тоннелю, они не открываются. Я выдыхаю. Мы *только что* смогли повесить замок на ворота, прежде

чем толпе, наступающей нам на пятки, удалось открыть их. Они трясут их, как испуганные обезьяны, проклиная и матерясь, но замок крепко держится.

Мы сделали это.

Издавая стоны, я поднимаюсь на ноги и помогаю Эмили встать.

— Нам нужно бежать, — говорю я, тяжело дыша.

Мы начинаем с бега трусцой, затем переходим на спринт. Не знаю, куда этот тоннель ведет или где мы окажемся, но, в любом случае, мы продолжаем бежать, оставляя панику и беспорядки позади.

Глава 13

На свободу

Эмили

— Ахх, — я откидываю голову назад, впервые за две недели глубоко вдыхая и выдыхая чистый воздух. — Так вот каков на вкус свежий воздух.

Джай наклоняется, оперев руки в колени. Его дыхание такое же тяжелое и быстрое, как и мое. Мои легкие горят, а ноги как будто превратились в желе. Я очень давно не бегала так быстро. Это странно и нелепо, но убежать ради спасения своей жизни оказалось довольно-таки весело.

Я не знаю, где мы сейчас. Мы бежали больше полутора часов с того момента, как вылезли из канализационного люка посреди какой-то дороги. И даже тогда не сбавили скорость, а продолжали бежать, дыша так часто, что, наверное, переработали весь застоявшийся воздух в наших легких. И только сейчас, остановившись, я чувствую отличие. Свежий воздух успокаивает мои внутренности, пока я смакую его прохладу.

Оборачиваюсь через плечо. Череп, наверное, уже начал поиски, но вряд ли найдет нас здесь. Думаю, что до утра мы в безопасности.

Я запрокидываю голову к ночному небу и мягко улыбаюсь, когда морозящий дождь увлажняет щеки, охлаждая горячую кожу. Мне всегда нравился дождь. Люблю его звучание. Люблю свободу его падения. Знаю, ничто не может остановить его. Дождь — это круто!

— Чему ты улыбаешься? — пыхтит Джай, выпрямляя спину и запрокидывая голову, чтобы тоже ощутить прохладный дождь на щеках.

— Дождю, — я хихикаю, и он смотрит на меня. — Мы попали под дождь.

В ярком свете уличного фонаря на фоне черного покрова ночи дождь напоминает тысячу крошечных искр огня. Они падают на Джая, и он выглядит восхитительно в своей зеленой пропотевшей футболке, облепившей его торс. Он снова указывает подбородком на небо и улыбается, пока дождь барабанит по его разгоряченной коже.

— Так и есть.

Я развожу руки, позволяя прохладной воде намочить мое тело как можно больше. Вода чистая — по крайней мере, чище той, что сочилась из трещин в тоннелях. Эта вода падает прямо с небес.

Черт, как же хорошо быть живой!

Я закрываю глаза и отчаянно пытаюсь успокоить жжение в легких. Ничто не помогает, да и ладно. Есть нечто гораздо худшее, что могло бы происходить со мной прямо сейчас. Я лучше приму горящие легкие, чем Черепа.

Когда дождик превращается в ливень, я ловлю его ручейки языком и глотаю, надеясь ослабить жжение в горле. Ощущение прекрасное, хотя и не облегчает боль. Но на данный момент я действительно не имею ничего против.

Джай выдыхает, вырывая меня из моих мыслей.

— Мы должны продолжать двигаться.

От его слов мои колени готовы подкоситься. Я не могу идти дальше. Теперь мы вне

зоны непосредственной опасности, и мое тело одеревенело.

Я стону, опустив руки, и резко опускаю плечи.

— Не думаю, что смогу.

Он оборачивается и хлопает себя по спине, жестом приглашая залезть.

— Я знаю, где мы. У меня есть план.

Мы пробежали одинаковое расстояние. Если я устала, то уверена, что Джай тоже вымотался. Незадолго до этого он боролся с гигантом, а потом мы бежали, спасая свои жизни.

— Я не залезу тебе на спину, Джай.

Он оборачивается через плечо.

— Почему нет?

— Я не в восторге от встреч с бетоном, — говорю я, показывая ему свои ободранные локти. — И так достаточно пострадала.

Я ободрала их в момент падения, когда в ворота врезались бойцы. Они саднили несколько часов, но теперь болят каждый раз, когда соленая капелька пота скатывается по раздраженной коже.

Джай разворачивается, встает передо мной и склоняет голову набок, выглядя таким очаровательным щенком. Это заставляет меня улыбнуться.

— Ты думаешь, что я уроню тебя?

Я пожимаю плечами.

— Я не готова выяснять это. Ты, должно быть, вымотан.

— Даже и близко нет, — улыбается он. — Я могу поднять медведя.

Я смеюсь.

— Тебе было мало подземелья? Я могу ходить.

Улыбка Джая становится шире, обнажая зубы. Он отводит взгляд и смеется. Насколько быстро рождается его великолепный смех, настолько же быстро он замолкает, словно унесенный свежим бризом. Его взгляд становится взволнованным и пристальным, и я буквально вижу, как крутятся шестеренки у него в голове. Мне не часто удавалось заглянуть за воздвигнутую им стену, поэтому, видя его простые человеческие эмоции, ощущаю себя буквально загипнотизированной. Он очень красив.

Варварски красив.

Я подхожу ближе к Джаю, подошвы моих кроссовок шлепают по асфальту пустой дороги. Его глаза смотрят в мои. Я представляю их синеву, скрытую сейчас тенью.

— Он будет искать нас, Эмили. Он будет искать нас всеми...

Жесткость в его голосе... она разрушает все, и тяжесть нашего положения обрушивается на мои плечи. Наш побег, наша небольшая победа будет недолгой. Утром — всего через несколько часов — начнется настоящая борьба

Я сглатываю, пытаюсь увлажнить свое пересохшее горло, и киваю.

— Знаю.

Он поворачивается и подставляет мне спину, на этот раз не говоря ни слова. Не желая бороться с ним, я хватаюсь за его плечи и запрыгиваю. Ногами обвиваю его бедра, а руками — шею. Несмотря на его сильную усталость, я чувствую поддержку и защиту, особенно когда он засовывает руки под мои ноющие колени. Мы идем под дождем, и тело Джая теплое и гостеприимное.

— Я буду оберегать тебя, Котенок, — говорит он, его спина вибрирует подо мной. — С

завтрашнего дня я собираюсь держать тебя подальше от неприятностей.

Я хмурюсь.

— С завтрашнего дня?

Он кивает, и я замечаю его хулиганскую ухмылку.

— На сегодняшний вечер у нас запланирован угон тачки и взлом дома, так что... завтра.

Я смеюсь, пока он идет вниз по дороге, держа путь в неизвестном мне направлении.

Спустя несколько шагов я кладу подбородок на его плечо и закрываю глаза.

— Завтра.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net